

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печивской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
въ годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: Будущее Общества драматическихъ писателей. — Къ читателямъ. Тангейзеръ (окончаніе). Н. Кнорозовскаго. — Международная выставка картинъ. А. Ростиславова. — Изъ воспоминаній о К. А. Варламовѣ. Театрального старожилы. — Хроника театра и искусства. — Музыкальные замѣтки. Б. М. Соловьева. — Рождественскій силуэтъ. Осипа Димова. — Мастеръ сухихъ дрожжей (окончаніе). Н. Бренко-Брешковскаго. — Провинціальная лѣтопись. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

№ 52.

Рисунки: «Нибелунги». — Г-жа Фабри рис. А. Любимова. — М. Баттистини рис. А. Любимова. — Теноръ Лангобарди рис. П. Златникова. — Марія Стюартъ рис. А. Любимова. — Рождественская фантазія 2 рис. — Виньетки.

Портреты: Къ юбилею И. А. Варламова. (6 портретовъ). † К. В. Назарьева. Е. В. Горская.

Приложеніе. Пятый выпускъ «Словаря сценическихъ дѣятелей» буква Д.

Ноты: Романсъ Мошковскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библіотеки увеличиваемой въ объемѣ и дополняемой отдѣломъ практическихъ указаній.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Въ 1901 г. будутъ между прочимъ, даны подписчикамъ пьесы: „Потемки души“, („Исторія болѣзни Пытцова“), В. Трахтенберга, „Пережитое“ І. Радзивиловича „Дымъ отечества“ В. Кожевникова (всѣ премированы на конкурсѣ Лит.-Худож. Общества); новыя пьесы Вл. Ив. Немировича-Данченко и И. Н. Потапенко, заканчиваемыя авторами, новая пьеса Гауптмана, новая комедія В. В. Билибина „Зимній вечеръ“ И. Яковлева, „Антрактъ“ О. Димова и др. Въ первыхъ номерахъ будетъ напечатанъ разсказъ П. П. Гнѣдича.

С.-Петербургъ, 24 Декабря.

Ниже читатели найдутъ отчетъ о петербургскомъ собраніи членовъ Общества драматическихъ писателей и композиторовъ. Какъ извѣстно, петербургское собраніе рѣшаетъ для того, чтобы московское перерѣшало. Эта игра въ «брито-стрижено», длится многіе годы, и такъ какъ на сторонѣ московскаго собранія и сплоченность, и большинство, то петербургскія собранія ничѣмъ не вліяли на общій ходъ дѣла.

Если мы возвращаемся теперь снова къ этому соперничеству, то лишь потому, что считаемъ моментъ очень жгучимъ и ясно видимъ то, что, быть можетъ, не вполне ясно представляютъ себѣ члены Общества, тѣсно сплотившіеся вокругъ московскаго комитета. Подлинно, имѣющіе очи не видятъ, и имѣющіе уши не слышатъ.

Дѣло идетъ о томъ, быть или не быть Обществу драматическихъ писателей, какъ самостоятельному и самоуправляющемуся учрежденію, со своими специальными задачами и немалыми суммами запасного и неприкосновеннаго капитала. Ибо если все будетъ продолжаться по старому, отчетность будетъ вестись не вполне вразумительно для членовъ, процентъ вычета изъ авторскаго гонорара останется въ прежнемъ размѣрѣ, и вознагражденіе комитета, а также расходы на дѣлопроизводство не будутъ подвергнуты значительному сокращенію, то, рано или поздно, Театральное Общество, открывшее у себя операциі по защитѣ авторскихъ правъ, поглотить и само Общество драматическихъ писателей, и его капиталы, и русскихъ драматурговъ. Приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ членовъ Общества, что, молъ, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, ибо настанетъ нѣкогда день, когда чаща

терпѣнія переѣмлются, древній погибнетъ. Пріамъ и народъ копыеносца Пріама. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Вполнѣ сочувствуя цѣлямъ и задачамъ Театрального Общества, по скольку онѣ касаются *свободнаго* развитія началъ самопомощи въ средѣ артистовъ и упорядоченія основъ экономическаго, нравственнаго и административнаго быта актеровъ, мы полагаемъ, однако, что Театральное Общество не должно стремиться «объять необъятное» и объединить всѣ стороны литературы, театра, администраціи и промышленно-торговой дѣятельности, соприкасающейся съ театральной жизнью. Qui trop embrasse, mal étireint... Не станеть-ли, съ теченіемъ времени, Театральное Общество канцеляріей, которая изъ оконъ петербургскаго кабинета будетъ наблюдать за ходомъ жизни во всей Россіи?

Операция по охраненію авторскихъ правъ при Театральномъ Обществѣ, въ ихъ нынѣшнихъ предѣлахъ, какъ параллельная и воспопобляющая операциамъ комитета Общества драматическихъ писателей, весьма желательна. Конкуренція—вещь благодѣтельная, и результатъ ея сказался въ самый короткій срокъ. Но монополія операций Театрального Общества въ этомъ отношеніи будетъ еще болѣе нежелательна, чѣмъ существовавшая до нынѣ монополія Общества драматическихъ писателей.

Что же дѣлаетъ Общество драматическихъ писателей для того, чтобы сохранить выгоды своего положенія и обезпечить себя отъ возможности распада? Очень мало, — во всякомъ случаѣ, слишкомъ мало, сравнительно съ серьезностью положенія. Уменьшеніе размѣра содержанія секретаря комитета—вмѣсто $7\frac{1}{2}\%$ — 5% —дастъ, принимая во вниманіе увеличеніе кредита на канцелярію и дѣлопроизводство, только 1,400 р. въ годъ. Изъ-за этого не стоитъ огородъ городить. Процентъ вычета изъ авторскаго гонорара, если и будетъ принятъ московскимъ собраніемъ, то все-же останется выше процента, взимаемаго Театральнымъ Обществомъ; вступной взносъ, 25 р., остается въ прежнемъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ въ Театральномъ Обществѣ онъ составляетъ 5 руб. Свѣдѣнія объ исполнявшихся пьесахъ, чего такъ настойчиво добиваются авторы, по прежнему не публикуются. И наконецъ,—что, по нашему, мнѣнію, самое важное — Общество драматическихъ писателей, литературное и въ то же время вполнѣ самостоятельное, самоуправляющееся, ничѣмъ не обнаруживающъ ни попеченій о литературѣ, ни заботъ о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ своихъ членовъ.

Очень лестно быть членомъ Общества литераторовъ, но если это просто контора, тогда та контора, которая взимаетъ меньше комисіонныхъ, будетъ-ли это Театральное Общество или Общество транспортированія кладей—предпочтительнѣе той, которая взимаетъ большій процентъ. Изъ Союза писателей никто не перейдетъ въ контору, и члены кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ не запишутся въ какую-нибудь 4 похоронную кассу. Но изъ нынѣшняго Общества драматическихъ писателей уйти можно совершенно спокойно: была безъ радости любовь — разлука будетъ безъ печали... И члены этого старѣйшаго Литературнаго Общества начнутъ понемногу «продавать» его, какъ нѣкогда Исавъ продалъ право первородства за чечевичную похлебку.

Пора, стало быть, открыть глаза на совершающееся. Шутка заходитъ слишкомъ далеко. Общество наканунѣ кризиса, и кто хочетъ остаться самостоятельнымъ, не подчиняя, съ теченіемъ времени, интересовъ авторовъ другимъ, иногда совер-

шенно противоположнымъ, интересамъ, кто хочетъ остаться въ области авторскихъ правъ хозяиномъ, а не «подручнымъ» — тотъ долженъ сказать прямо и открыто: наступило время серьезныхъ реформъ, необходимъ пересмотръ устава Общества, настала пора самоочищенія и покаянія...

Ибо пройдетъ еще годъ-другой, и будетъ уже поздно. Развѣ вы этого не видите? Развѣ врагъ уже не у воротъ?

Кончился четвертый годъ нашего изданія. По обыкновенію, обращаемъ нѣсколько словъ къ нашимъ читателямъ. Самые тяжелые годы для новаго изданія прожиты. Кому извѣстны условія, въ которыя поставленъ театрально-художественный журналъ, стремящійся быть честнымъ и независимымъ, не получающій никакихъ субсидій, не вступающій въ коммерческія соглашенія — тотъ долженъ признать, что четырехъ-лѣтній опытъ нашего изданія—дѣло не легкое. И нужно крѣпко вѣрить, что «чувства добрыя» найдутъ доступъ къ сердцамъ читателей, чтобы идти неуклонно по намѣченному пути.

Ростъ нашего изданія—большое для насъ утѣшеніе. Изъ года въ годъ, мы убѣждаемся, что мысль создать органъ, удовлетворяющій не одно лишь праздное любопытство театраловъ, но и стремящійся быть полезнымъ дѣлу искусства, охранять чистоту критическихъ сужденій, и — что главное—служить выразителемъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ обширной группы лицъ, работающихъ на нивѣ искусства, — что эта мысль — не химера. Ростъ нашего журнала до извѣстной степени есть свидѣтельство роста любознательности, пытливости, эстетическихъ потребностей, и наконецъ, самосознанія артистовъ.

Кончается вѣкъ; наступаетъ новый. Станный, неспокойный, непонятный вѣкъ смѣняется другимъ. Что онъ принесетъ — неизвѣстно. Судьбы грядущаго скрыты отъ современности. Но что-бы онъ ни принесъ, какъ ни повернулась-бы исторія — искусство, какъ выраженіе идеальной жизни и природы, всегда останется высшею радостью человѣчества.

Въ союзѣ съ искусствомъ, человѣкъ никогда не бываетъ одинокъ, никогда не бываетъ бѣденъ, и можетъ глядѣть впередъ «безъ страха и сомнѣнія».

Первый № за 1901 г. выйдетъ въ понедѣльникъ 1 января, почему контора покорнѣйше проситъ записываться заблаговременно.

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе недостатка мѣста, продолженіе серіи портретовъ К. А. Варламова отлагается на № 1-й 1901 г.

Тангейзеръ *).

VI.

Чтобы покончить съ музыкальною характеристикою Вагнера, слѣдовало бы упомянутьъ еще объ одной оригинальной чертѣ его творчества. Мы разумѣемъ: отсутствіе въ его музыкѣ *народнаго* элемента.

Какъ извѣстно, искусственное разобщеніе между музыкою и народною жизнью, созданное стремленіемъ католическаго духовенства къ ограниченію сознательнаго участія мірянъ въ религиозныхъ дѣлахъ, повлекло за собою упадокъ музыкальнаго искусства. Втиснутая въ искусственные рамки строгаго стиля, отрѣшенная отъ живой связи съ народною пѣснью, удаленная отъ воздѣйствія народнаго творчества, музыка впала въ сухую отвлеченность школьнаго педантизма, окаменѣла въ мертвящихъ оковахъ бездушнаго формализма и утратила свѣжесть непосредственнаго чувства. Протестантство, привлекая паству къ участию въ религиозной жизни, возстановило нарушенную связь между музыкою и народною пѣснью и этимъ подготовило пышный расцвѣтъ музыкальнаго искусства въ Германіи. Свѣжая струя народной пѣсни, съ ея неизсякаемыми сокровищами живыхъ и трогательныхъ мелодій, вдохнула новую жизнь въ окаменѣлый остовъ музыки, окрыленное творчество воспрянуло вновь и могучая плеяда чародѣевъ звука озарила безсмертнымъ сіяніемъ музыкальный небосклонъ. Великіе художники, чутко прислушиваясь къ изліяніямъ народной души, жадно прильнули къ свѣтлому роднику народныхъ мелодій, почерпая въ его живительныхъ струяхъ упительную свѣжесть вдохновенія и неподдѣльную искренность выраженія...

Вагнеръ, изгнавши изъ музыкальной драмы пѣсенную форму, кореннымъ образомъ порвалъ связь и съ народною пѣснью. Но оторванная отъ лона народнаго творчества, музыка неизбежно обрекается

на мертвенную искусственность и вычурную дѣланность. Съ этой точки зрѣнія, вагнеровскій „стиль“, поскольку онъ выразился въ музыкальныхъ драмахъ *реформаторскаго* періода, обозначаетъ несомнѣнный регрессъ, сходный, по своимъ причинамъ и проявленіямъ, упадку католической музыки... Едва-ли нужно оговариваться, что эти замѣчанія отнюдь не относятся къ „Тангейзеру“, въ которомъ Вагнеръ еще не брезгаетъ пѣсенною формою.

Послѣ общей характеристики Вагнера, какъ либретиста и композитора, перейдемъ къ детальному разбору оперы.

Увертюра къ „Тангейзеру“, по справедливости, признается шедевромъ инструментальной музыки. Въ ней, помимо органически-цѣльнаго развитія темъ, обращаетъ на себя вниманіе замѣчательно искусная градація эффектовъ, въ чемъ Вагнеръ, вообще, имѣлъ мало соперниковъ. Въ сценѣ вакханаліи много шума, но мало жизни. Тема вакханокъ холодна. Она оставляетъ слушателя равнодушнымъ, а, между тѣмъ, Вагнеръ хотѣлъ ея изобразить дикое бѣснованіе оргій, постепенно разрастающееся въ безумное изступленіе и доводящее, наконецъ, до сладострастнаго изнеможенія. Удачнымъ эпизодомъ выдѣляется тема сиренъ, построенная на красивыхъ задержаніяхъ. Доносясь изъ отдаленія, она исполнена таинственности и мѣги. Въ общемъ, сцена вакханаліи съ купающимися наядами, кружащимися нимфами и манящими къ наслажденіямъ сиренами, задумана условно, фальшиво, банально, по шаблону балетныхъ дивертисментовъ, а музыка страдаетъ недостаткомъ истиннаго воодушевленія. Объ огненномъ возбужденіи страстей не можетъ быть и рѣчи. Не меньшею фальшью проникнуть дуэтъ Венеры и Тангейзера.

Колѣнопреклоненный предъ Венерою, въ сладостной истомѣ, съ покоящеюся на ея колѣняхъ головою, Тангейзеръ внезапно вскакиваетъ, какъ ужаленный, и начинаетъ рваться *назадъ, на землю*, какъ будто олимпійскіе боги, съ фавнами, сатирами, вакханками, сиренами, нимфами и наядами, не жили на землѣ. То пресыщенный ласками Венеры, то воспѣвая ей гимны, онъ переходитъ отъ одного настроенія къ другому, и это ничѣмъ не мотивированное метаніе изъ крайности въ крайность, противно всякой пси-

«Нибелунги» Вагнера.

Рис. «Jugend».

*) См. №№ 25, 28, 32, 41 и 47.

хологизм. И подобно рѣчамъ Тангейзера, непричинны также непрестанные скачки изъ тональности въ тональность, которыми испеплены его речитативы. Вагнеровскіе речитативы представляютъ крупный шагъ впередъ, по сравненію съ простыми (сессо) и obbligatнымъ (accompagnato) речитативомъ, обычнымъ у композиторовъ итальянской и французской школъ. Приминая къ аріозной формѣ, они открываютъ возможность болѣе полного выраженія душевныхъ движеній. Но чѣмъ развитѣе и законченнѣе музыкальная форма, тѣмъ болѣе предъявляетъ она требованій въ отношеніи опредѣленности мелодій. А у Вагнера наоборотъ: мелодическій рисунокъ все болѣе теряетъ ясность очертаній. О мелодической невыдержанности темы прославленія Венеры („о пусть тебѣ въ хвалу“) мы имѣли уже случай упомянуть. Тѣмъ-же недостаткомъ страдаетъ и мотивъ обольщенія: („взгляни, вотъ въ розовомъ сіяніи“), въ которомъ широкая и красивая кантилена первыхъ предложеній вскорѣ сбивается на общія мѣста, лишённые мелодическаго рисунка. Какъ красиво, далѣе, звучитъ фраза Венеры: „ты проклянешь опять тотъ край!“ Но и тутъ у Вагнера хватаетъ мелодіи лишь на періодъ, вслѣдъ за которымъ начинается спасительное блужданіе по ступенямъ хроматической гаммы. Вообще, хроматизмъ и разложенія уменьшеннаго или увеличеннаго аккорда—его излюбленнѣйшее средство, когда изсякаетъ даръ мелодической изобрѣтательности. И въ то время, какъ вокальные партіи, за упомянутыми исключеніями, такъ безсодержательно сухи, оркестръ кипитъ движеніемъ и блещетъ красками.

Сцена въ долині передъ Вартбургомъ—лучшая во всей оперѣ. Пѣсня пастуха не лишена нѣкоторой искусственности, плохо вижущейся съ непритязательностью народныхъ мелодій, но, въ цѣломъ, она прелестна и общій характеръ пасторали схваченъ въ ней превосходно. Хоръ старшихъ странниковъ,—настоящій перлъ музыки. Ихъ напѣвъ, то слабо доносясь изъ отдаленія, то разрастаясь въ мощные аккорды, то опять замирая въ безвѣстной дали, производитъ поистинѣ чарующее впечатлѣніе благоговѣйною торжественностью тона и благородною величавостью стили. Сливаясь порою съ мечтательными звуками пастушьей свирѣли, пѣніе пилигримовъ дышетъ невыразимою поэзіею и художественною правдою. Великолѣпно иллюстрировано звуками приближенія и появленія кавалькады охотниковъ, съ Ландграфомъ во главѣ. По совершенству музыкальной живописи, съ этою прелестною жанровою картинкою можетъ поспорить развѣ лишь охотничій эпизодъ въ „Тристанъ“ того-же Вагнера. Но наибольшаго мастерства выраженія и подъема вдохновенія Вагнеръ достигаетъ въ финальномъ септетѣ. Здѣсь музыкальный языкъ Вагнера пріобрѣтаетъ такую гибкость, такое разнообразіе, такую яркость, которыя ставятъ этотъ ансамбль въ ряду лучшихъ образцовъ опернаго письма. Краткость мотивовъ съ лихвою вознаграждается ихъ красотою, выразительностью и обиліемъ, а мелодическій интересъ темъ усугубляется еще богатствомъ ритмическаго движенія. Благодаря музыкальной эффектности септета, даже скрадывается неправдоподобіе ситуаціи, а именно, то, что Вольфрамъ сознательно толкаетъ Тангейзера въ объятія той самой Елизаветы, которую онъ самъ любитъ, и это онъ дѣлаетъ, не справившись даже, любитъ-ли Тангейзеръ Елизавету и можетъ-ли онъ составить ея счастье. Поступокъ Вольфрама, какъ извѣстно, послужилъ источникомъ всѣхъ бѣдъ и гибели Елизаветы. Такимъ образомъ, Вагнеръ, впадъ въ неумѣренную и антихудожественную идеализацію, вмѣсто самоотверженія Вольфрама, доказалъ только, что нѣкоторые услужливые люди опаснѣе враговъ.

Съ появленіемъ Елизаветы на сцену, неестественность характеровъ и положеній становится болѣе ощутительною и это немедленно оказываетъ вліяніе на качество музыки. Такова неизбѣжная участь ложныхъ ситуацій. За грѣхи либретиста всегда расплачивается композиторъ. Въ дуэтѣ Елизаветы и Тангейзера мы вновь встрѣчаемся съ тѣми-же недостатками, на которые мы указывали въ дуэтѣ Тангейзера и Венеры. Живой духъ отлетѣлъ. Туманная отвлеченность опять заволакиваетъ мотивы. На нихъ опять покоится печать сухости. Какъ на счастливое исключеніе, слѣдуетъ указать на періодъ: „О Генрихъ, встань!“ Широкая мелодія этого періода полна чарующей красоты. Но это только мгновенная улыбка солнца среди долгаго ненастья...

Маршъ въ честь искусства, по справедливости, долженъ быть отнесенъ къ великолѣпнѣйшимъ образцамъ торжественнаго марша. По ясности формы, опредѣленности ритма, благородству и красотѣ темъ, онъ принадлежитъ къ лучшимъ классическимъ произведеніямъ этого жанра. О пресловутомъ „состязаніи пѣвцовъ“, мы уже говорили и возвращаться къ этому вымученному продукту музыкальной схоластики не стоитъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи Вагнеръ даетъ лирическому элементу перевѣсъ надъ драматическимъ. Этотъ контрастъ, во-время примѣненный, вноситъ въ оперу оживляющее разнообразіе. Глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что лиризмъ въ драмѣ задерживаетъ дѣйствіе. Совсѣмъ наоборотъ. Въ мірѣ психическомъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, одинъ видъ движенія часто переходитъ въ другой. Герои драмы не только дѣйствуютъ, но также чувствуютъ и мыслятъ. Разыгрывающаяся передъ ними борьба страстей не можетъ пройти безслѣдно для ихъ душевнаго строя. По мѣрѣ развитія дѣйствія, чувства накапливаются и, доведенныя до высшей степени напряженія, требуютъ исхода. Дѣйствующее лицо, подъ наплывомъ чувствъ и мыслей, желаетъ остаться одинъ со своимъ внутреннимъ міромъ, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ или излить накопившіяся на душѣ ощущенія. Словомъ, *внѣшнее* движеніе, выражающееся въ развитіи сценическаго дѣйствія, переходитъ во *внутреннее* движеніе, принимающее форму душевныхъ процессовъ, совершенно подобно тому, какъ въ матеріальной природѣ механическое движеніе превращается въ молекулярное. Такія пріостановки внѣшняго дѣйствія не только не противорѣчатъ требованіямъ драматизма, но, *согласуясь съ жизненною правдою*, являются существеннымъ условіемъ художественности сценическаго произведенія. Съ другой стороны, очевидно, что если для выраженія мѣняющихся возбужденій или быстро подвигающагося дѣйствія требуются и формы сжатия, гибкія, прихотливыя, то для изображенія дліящихся настроеній и сосредоточенно-цѣльныхъ чувствъ необходимы болѣе широкія, округленныя и замкнутыя формы. Слѣдуя въ „Тангейзерѣ“ традиціоннымъ опернымъ формамъ, Вагнеръ не постѣснился дать выраженіе лирическимъ изліяніямъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и это сдѣлалъ онъ въ рядѣ закругленныхъ номеровъ, на которыхъ и зиждется главный интересъ послѣдняго акта.

Молитва Елизаветы не отличается ни рельефностью мелодіи, ни глубиною вдохновенія, но въ ней есть настроеніе. Впечатлѣніе ея удачно подготовляется речитативомъ Вольфрама и торжественнымъ напѣвомъ старшихъ странниковъ, возвращающихся изъ паломничества въ Римъ. Мотивъ странниковъ намъ извѣстенъ уже изъ увертюры. Въ томъ же возвышенномъ стилѣ написана и арія Вольфрама („Ве-

черная звезда»), пользующаяся широкою и заслуженною популярностью. Рассказ Тангейзера о жестокости папы довольно бездвѣтенъ. Вообще, съ появленіемъ Тангейзера, ситуація становится фальшивою, а съ нею вмѣстѣ тускнѣютъ и музыка. Величіемъ и мощью звучитъ хоръ младшихъ странниковъ, возвѣщающихъ о чудѣ. Мотивъ этого хора, съ эффектною фигураціею скрипокъ, намъ также извѣстенъ уже изъ увертюры.

Подводя итоги всему сказанному, мы видимъ, что крупныя достоинства отдѣльных моментовъ „Тангейзера“ перевѣшиваютъ недостатки. Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что и самыя недостатки эти имѣютъ лишь относительное значеніе и бросаются въ глаза болѣе всего потому, что не по разуму усердные панегиристы Вагнера ихъ именно и возводятъ въ высшее откровеніе искусства. Вообще, пора къ Вагнеру относиться болѣе здраво и разумительно. До сихъ поръ его произведенія разсматривались лишь съ двухъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія. Въ то время, какъ одни впадали въ слѣпое обожаніе, граничащее съ бессмысленнымъ фетишизмомъ, другіе съ тупымъ упорствомъ отворачивались отъ Вагнера, считая его музыку отрицаніемъ искусства и синонимомъ какофоніи. Обѣ эти крайности основаны на недомыслии. Отрицать значеніе Вагнера невозможно. Вліяніе его явно сказывается во всѣхъ отрасляхъ музыкальнаго искусства. Ему обязаны мы во многомъ и проверкою старыхъ традицій, и достигнутыми за послѣднюю половину вѣка успѣхами. Но не менѣе нелѣпо болѣзненные крайности, порожденные односторонними увлеченіями переходнаго періода, выдавать за послѣднее слово искусства. Вообще, трудно добиться истиннаго пониманія тамъ, гдѣ оглушительныя осужденія и безсодержательные восторги замѣняютъ строго-критическій анализъ и объективное изученіе произведеній художника. Мы отошли отъ Вагнера на разстояніе полвѣка. Это вполне достаточный періодъ, чтобы вооружиться необходимымъ безпристрастіемъ и ясностью перспективы. Не слѣдуетъ забывать, что отъ односторонности современной критической мысли сильно страдаетъ музыкальное искусство. Хаосъ, господствующій въ современныхъ представленіяхъ объ оперномъ идеалѣ, болѣе всего обязанъ пренебреженію къ кореннымъ основамъ художественной критики. Чѣмъ скорѣе мы начнемъ примѣнять къ идеямъ и произведеніямъ Вагнера строгіе приемы критическаго изслѣдованія, тѣмъ легче будетъ очистить путь къ истинѣ.

И. Кнорозовскій.

Международная выставка картинъ.

Гудитъ о парижской всемирной выставкѣ, тѣмъ болѣе объ искусствѣ отдѣльных національностей по открывшейся у насъ международной выставкѣ очень трудно, во-первыхъ, благодаря отсутствію многихъ крупныхъ именъ, и, какъ это всегда бываетъ на подобныхъ выставкахъ, случайному выбору картинъ, между которыми впрочемъ, не мало премированныхъ, во-вторыхъ, благодаря г. Моріесу и Комп. (подразумѣваю устроителей выставки). Г. Моріесу и Комп. присуща удивительная способность разсмѣять картины такимъ образомъ, что болѣе интересныхъ изъ нихъ или совсѣмъ не видно или ихъ можно разсматривать только по частямъ и съ большимъ трудомъ. Такъ было со всѣми устраиваемыми ими выставками, особенно съ германскою и нѣсколькими другими.

Во всякомъ случаѣ только «сторонній»... искусствѣ г. изъ «Новаго Времени» можетъ находить эту выставку «важнымъ и чреватымъ послѣдствіями моментомъ для русскаго художественнаго самосознанія». У насъ были отдѣльныя выставки всѣхъ представленныхъ теперь національностей гораздо болѣе

интересныя, чѣмъ ихъ теперешніе отдѣлы; съ произведеніями отдѣльныхъ крупныхъ европейскихъ художниковъ знакомили насъ выставки журнала «Міръ искусства». Впрочемъ, критикъ изъ «Новаго Времени» дѣйствительно не могъ ихъ видѣть: онъ недавно только родился. За то теперь онъ только одинъ не «растерялся» «передъ лицомъ всей Европы». Вооружившись, застегнувшись на всѣ пуговицы, онъ предлагаетъ намъ быть честными, правдивыми, смѣлыми, искренними и даже «немного наивными», и дѣйствительно самъ наивенъ въ своихъ сужденіяхъ объ искусствѣ именно, какъ новорожденный. Конечно, немного совѣстно спорить и серьезно разговаривать съ новорожденнымъ младенцемъ, но что подѣлаешь: вѣдь онъ художественный критикъ самой распространенной газеты, вѣдь онъ имѣетъ большую публику. Послѣ нѣкоторыхъ сопоставленій и разсужденій объ «идеѣ» и «манерѣ» г. «сторонній»... искусствѣ дѣлаетъ такой выводъ: «значеніе», «манеры», и даже если хотите, «манерности» возрастаетъ нѣ какъ-то одновременно съ уменьшеніемъ «идейности» произведенія. Очевидно, г. новорожденный смѣшиваетъ манеру въ искусствѣ съ манерами, приобретаемыми воспитанниками Пажескаго корпуса или воспитанниками Смольнаго института. Очевидно, онъ даже и не подозреваетъ, что то, что онъ называетъ «манерой» — одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ въ искусствѣ художественныхъ элементовъ, гдѣ въ прекрасной, а главное своеобразной формѣ, присущихъ только данному художнику, выливается его творчество, что у истиннаго художника манера результатъ всего его художественнаго склада, всей его личности. Очевидно, что подъ «идейностью», содержаніемъ онъ подразумеваетъ все то же разсказъ, анекдотъ, философскій трактатъ или передовую статью въ краскахъ, нѣчто придуманное, а не созрѣвшее одновременно въ умѣ и чувствѣ художника и искренно свободное, какъ-бы само собой, вылившееся въ его произведеніи. И какъ истинно въ буржуазномъ вкусѣ, мило и просто, придуманы эти-же вѣсы: на одной чашкѣ манера, на другой — идея, — что перетянетъ. Какъ будто въ художественномъ произведеніи манера, форма, содержаніе не сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, какъ будто значительность художественнаго произведенія обуславливается такъ называемой «глубиной содержанія», а не всей личностью художника, сказывающейся одновременно и въ замыслѣ и въ исполненіи! И вотъ, г. новорожденный даже жалѣетъ бѣднаго Сегантини, потратившаго даромъ столько труда на свою манеру («ударчики и лессировки» — «глазки и лапки» гоголевской дамы), того Сегантини, который своей своеобразной передачей тонко и страстно изученной имъ природы такъ ярко выразилъ свою личность, внесъ такъ много въ пониманіе тона и свѣта въ живописи. Напрасно онъ старался: у насъ «по мѣру» (по г. Стороннему, конечно) Дубовскій и даже Крачковскій «достигали тѣхъ-же результатовъ, если не болѣе», куда проще. Собственно говоря, послѣ такого перла можно было-бы поставить точку, но мнѣ хочется до конца исчерпать сокровищницу критики г. Стороннаго. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ: сужденій и замѣчаній нянекъ новорожденного, «знакомыхъ художниковъ», сильно уясняющихъ дѣло аншлаговъ о присужденіи наградъ и медалей, и собственныхъ, подобныхъ приведеннымъ, измышлений, сужденій и перловъ г. Стороннаго.

Постараюсь выудить еще нѣсколько послѣднихъ. Какъ гоголевская нявста, г. новорожденный очень бы хотѣлъ прибавить къ картинѣ Брозика колоритъ Клауса, и тогда дѣло будетъ въ шляпѣ. «Мирно-шрише званіи» и свѣтовые планы Уалтона какъ-то не идутъ къ серьезнымъ портретамъ Соломона и Брозика. Разумѣется, ни дать, ни взять, какъ кувирканія новорожденного не идутъ солидному отцу семейства. Леонъ Фредерикъ (очень хороший реалистическій живописецъ, свихнувшійся на «модномъ символизмѣ») по г. Стороннему) Рѣпинъ въ картинѣ «Садокъ» оба ввали въ одинаковый «абсурдъ»: у нихъ видите-ли, въ водѣ живые люди и ничего себѣ — не захлебываются. Теперь уже кажется довольно. Въ заключеніе г. Стороннему приходитъ въ голову рецептъ для приготовления картинъ на золотую медаль. Мнѣ тоже приходитъ въ голову рецептъ: возьмите минимальную дозу узкаго буржуазнаго пониманія искусства, прибавьте огромную дозу самодовольной развязности, разбавьте огромной дозой замѣчаній и сужденій «знакомыхъ художниковъ», пересыпьте перлами, подобными мной указаннымъ, и получится художественная «критика» новорожденного г. «сторонняго»... искусствѣ. Тѣмъ не менѣе при общемъ обзорѣ выставки, что касается оцѣнки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній, во многомъ приходится соглашаться съ сужденіями г. новорожденного, впрочемъ вѣроятно правильнѣе сказать, его нянекъ — «знакомыхъ художниковъ». Мнѣ кажется, наибольшій интересъ для нашей публики представляютъ портреты Саржента и Цорна («Коровы, Клауса, «Ручей» Фредерика, картины Сегантини, акварель Ларсона «Передъ зеркаломъ» и нѣк. др. Портретъ Цорна нѣсколько условный по тону, мастерски написанъ, но мы видѣли уже еще болѣе интересныя его работы, за то въ превосходномъ портретѣ одного изъ самыхъ знаменитыхъ совре-

КЪ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА. (27 декабря).

К. А. Варламовъ.
Въ 1870 г.

мненныхъ портретистовъ американца Саржента, являющагося впервые передъ русской публикой, поражаетъ, не смотря на нѣкоторую, можетъ быть, перчерненность фона, его необыкновенная жизненность, тонкость выраженія, необыкновенная смѣлость и въ то же время простота выполненія. Онъ весь написанъ самыми простыми локальными тонами; большое наслажденіе доставляетъ смѣлый, свободный рисунокъ широкой кисти, такъ тонко передающій форму. «Коровы» бельгійскаго художника Клауса безусловно самая сильная картина на всей выставкѣ, къ сожалѣнію, такъ поставленная, что ее почти нельзя разсматривать на надлежащемъ разстояніи, вслѣдствіе чего многихъ изъ публики смѣшитъ ея кажущаяся вблизи выкрашенность. Вотъ образецъ чуднаго здороваго импрессионизма, прекрасной смѣлой современной живописи, гдѣ такая общая гармонія при удивительной силѣ свѣта и тона, гдѣ столько жизненности и движенія. Она родственна картинамъ покойнаго Сегантини, одного изъ самыхъ оригинальныхъ съ ярко выраженной индивидуальностью современныхъ художниковъ. Въ его картинахъ чрезвычайно сильно, искренно и по новому переданы впечатлѣнія природы, выработанной имъ труднѣйшей, но по существу, очень логичной манерой, благодаря которой онъ передавалъ удивительныя тонкости свѣта, тона и воздуха, не теряя въ то же время твердаго, опредѣленнаго, общаго и въ то же время тонкаго рисунка. Благодаря ужасному для публики нововведенію закрывать картины стеклами, одну изъ его картинъ («Возвращеніе») почти нельзя разсмотрѣть.

Восхитительна по необыкновенно тонкому рисунку, общему вкусу и своеобразной манерѣ акварель шведскаго художника Ларсона «Передъ зеркаломъ». Что касается картины очень извѣстнаго бельгійскаго художника Фредерика «Ручей», то она производитъ странное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія въ замыслѣ ея много оригинальнаго, интереснаго и художественнаго, въ безчисленныхъ дѣтскихъ фигуркахъ много движенія и жизни, средняя часть съ очень педурно написаннымъ пейзажемъ, производитъ на извѣстномъ разстояніи хорошее цѣльное живописное впечатлѣніе, но въ подробностяхъ какъ-то преднамѣренная примитивность и наивность рисунка, вырванность контуровъ, мятая форма тѣлъ, мертвенная живопись воды, растений и тѣлъ, мѣстами похожихъ по тону на печеные яблоки. Въдѣ почти всѣ эти фигурки, взятыя отдѣльно, не смотря на гибкость и выразительность рисунка, передвѣжающаго движеніе и общія очертанія, антихудожественны, почти лубочны. Какъ примирить эту антихудожественность подробностей съ несомнѣнной художественностью общаго — вопросъ чрезвычайно трудный и интересный; тѣмъ болѣе, что Фредерикъ считается однимъ изъ крупныхъ представителей новѣйшей живописи. Общій

характеръ выставки, если исключить рыночныя произведенія нѣкоторыхъ отдѣловъ, приличный. Впрочемъ, приличная живопись на Западѣ, давно уже общее явленіе. Премированныя картины, несмотря на новую жалкую потугу г-на Стороннаго, доказать противное при помощи картины Вальберга, дѣйствительно, самыя достойныя изъ всѣхъ выставленныхъ, хотя достоинство ихъ, разумѣется, надо понимать, какъ относительное въ данномъ отдѣлѣ. Если разсматривать выставку по національностямъ, то наибольшій интересъ представляетъ для насъ отдѣлъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, съ живописью которыхъ мы до сихъ поръ были не знакомы. Вотъ г-нъ Сторонній... даже полагалъ почему-то, что тамъ и въ живописи все шиворотъ-на-выворотъ и кверхъ ногами. Американцы, повидимому, эклектики въ живописи, еще не создавшіе своей національной школы и заимствующіе повѣйшія формы искусства на западѣ Европы, главнымъ образомъ у французовъ и англичанъ. Нельзя не замѣтить вообще, что многія послѣднія пріобрѣтенія въ живописи сдѣлались не только интернаціональными, а становятся общими мѣстами. Вотъ, напримѣръ, весьма педурныя, хотя отзывающіяся чѣмъ-то слишкомъ знакомымъ, свѣтлые импрессионистскіе пейзажи Хортона, въ «Лашкѣ чая» Кассадъ замѣчено подражаніе Ренуару. Кромѣ портрета Саржента есть еще интересныя и талантливыя картины, напримѣръ «Сцена представленія изъ Гамлета» Абба, чрезвычайно интересная и оригинальная по замыслу и повидимому по исполненію, о чемъ трудно судить, благодаря стараніямъ г. Мориса и К^о, помѣстившимъ ее очень высоко и съ отвратительнымъ наклономъ, портреты Александра, этюды Гей, «Лунный свѣтъ» и «Призывъ» Люкана (послѣдняя совсѣмъ уже французская) и др. За то не мало и просто слабыхъ, почти лубочныхъ вещей, напримѣръ «Площадь Св. Марка въ Венеціи» Фаулькнера, картина Линча, Розена (ужасный по рисунку портретъ кн. Волконскаго), «Портретъ ребенка» Портера и др. Слѣдующее мѣсто по размѣрамъ занимаетъ отдѣлъ Великобританіи, гдѣ, къ сожалѣнію, многіе очень извѣстныя имена совсѣмъ отсутствуютъ. Общепитый Уистлеръ такъ, къ сожалѣнію, и не появился. О большой и дѣйствительно кажется очень интересной и хорошей картинѣ Соломона «Хвала Богу», которая такъ пріинибла на этотъ разъ тоже «растеряивагося» г-на Стороннаго, трудно вполнѣ судить, опять-таки благодаря стараніямъ г-на Мориса и К^о. Въ картинѣ Ривьера «Искушеніе въ пустынѣ», по композиціи дѣйствительно напоминающей картину Крамскога, очень хорошъ съ большимъ настроеніемъ написанный пейзажъ, но фигура не интересна и даже слабо парисована. Интересна по обыкновенію картина своеобразнаго, созданнаго себѣ совершенно исключительную манеру Брэнгвина «Рынокъ въ Буширѣ», «Солнечныя часы» Уэлтона, давшіе темную пинну для

КЪ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА. (27 декабря).

Оперетка «Зеленый островъ».

М. К. Стрѣльскій. К. А. Варламовъ.

измышлений и разсуждений г-ну Стороннему, вещь, конечно, тоже интересная и своеобразная. Очень сильно передано вечернее освѣщеніе въ хорошей картинѣ Клаузуна «За плугомъ». Хороши пейзажи Омоне «Ферма въ Фенахъ» и Уатерлоу «Послѣ полудня лѣтомъ». За то какимъ контрастомъ этимъ картинамъ, какимъ архаизмомъ является мертвенная фарфоровая картина «Плясунья» заскоружаго академика сера Пойнтера съ ея трафаретными головками. безразличной фотографической выпиской малѣйшихъ деталей! Въ Германско-Австрийскомъ отдѣлѣ громадная картина Брозика, какъ всѣ казенныя вещи, производить непріятное впечатлѣніе своей театральностью, чернотой, длиннымъ объясненіемъ содержанія и, если можно такъ выразиться, иллюстраціонностью. Точно также и висѣщая вправо огромная картина «Послѣдній день Помпеи» испанскаго художника Чена, едва-ли, конечно, знакомаго съ картиной нашего Брюллова, но тоже изображавшаго эффектный театральныи апопеезъ. Отдѣлы Нидерландовъ, Швеціи и Норвегіи послѣ бывшихъ у насъ въ послѣдніе годы специальныхъ выставокъ этихъ національностей представляютъ мало интереснаго, хотя и здѣсь въ ихъ живописи чувствуется что-то бодрое, здоровое, самостоятельное. Въ картинахъ нидерландцевъ непріятна только какая-то общая чернота тона. Таулоу къ сожалѣнію представленъ только одной картиной, да и то подъ стекломъ. За то очень скверное впечатлѣніе по обыкновенію производятъ итальянцы и испанцы, если исключить, конечно, Сегантини, впервые являющагося передъ нашей публикой, очень ужъ извѣстнаго Банестриери, «Смерть Мими», котораго вещь несомнѣнно интересная. пожалуй Жориса и Даля, Ока-Бланку у итальянцевъ, Пичоса (цвѣтные рисунки, недурный пейзажъ «Сѣрый день въ Кадакунѣ»), по тонамъ напоминающій работы нашихъ молодыхъ пейзажистовъ) и Сонса-Пинто, хотя «Купальщица» его съ мужскимъ торсомъ и тѣлосложеніемъ — довольно безобразна у испанцевъ. Въ общемъ что-то удивительно прилизанное, ополщенное, фабричное въ произведеніяхъ этихъ національностей, какъ будто онѣ по крайней мѣрѣ на четверть вѣка отстали отъ современной живописи. Укажу, напримѣръ, на произведенія Ваарри (почти лубочныя), Кастильони, Фабреса и др. Въ маленькихъ отдѣлахъ Швейцарія, Греція, Турція и Румынія мало интереснаго и оригинальнаго. Въ отдѣлѣ акварелей, пастелей и рисунковъ и пр. хороши акварели Броуна — «Лѣтній день въ Шотландіи», Гента — «Вовращеніе съ работъ», акварели и офорты Лейнга (Англія), офорты и литографіи Муйдена (Швейцарія), цвѣтные офорты Поттера (Америка). Картины для оконницъ знаменитаго Вальтера Крѣна освѣщены къ сожалѣнію, слишкомъ высоко.

Въ общемъ, какъ видно, выставка немного дастъ нашей публикѣ. Напрасно г-нъ Сторонній вооружался, подтягивался, называя къ нашимъ лучшимъ чувствамъ передъ лицомъ всей

КЪ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА (25 декабря).

К. А. Варламовъ.
Въ 1871 г.

Европы. Слишкомъ много на выставкѣ вещей ординарныхъ и посредственныхъ, многія крупныя имена отсутствуютъ, другія представлены слишкомъ ограниченными числомъ произведеній (по одному). Тѣмъ не менѣе можно сдѣлать одинъ несомнѣнный выводъ: всюду въ Европѣ живопись прежде всего искусство самостоятельное, самодовлѣющее и цѣнится, какъ таковое, а не плетется въ хвостъ литературы, что все еще такъ желательно и любезно большинству нашей публики, не чувствующей и не понимающей живописи, какъ живописи. Европейская живопись богата идеями, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ гг. Сторонніе и наша публика, т. е. въ смыслѣ сюжета, анекдота, выдумки вообще. Въ Европѣ, конечно, давно уже дико звучатъ фразы, что «содержаніе искупаетъ недостатки техники», дико рѣзкое разграниченіе содержанія и техники, дико отношеніе къ такъ называемой «манерѣ», какъ къ чему-то несуществующему, нрѣдко приравняемому къ технике любого реалиста, какъ будто безъ художественной техники можно отлично выразить какую-то идею. Тамъ жалкая мазня, передающая литературные сюжеты, гдѣ художникъ желаетъ разжалобить или разсмѣшить публику «выраженіемъ», «юморомъ», не умѣя ни писать, ни рисовать, такъ и считается жалкой мазней, а не картинами, какъ сплошь и рядомъ у насъ. Тамъ идейность, содержаніе цѣнится только, когда они результатъ свободно, искренно въ прекрасной, своеобразной формѣ вылившагося чувства, а не холодной головной работы художника. Тамъ уже давно девизомъ истинныхъ художниковъ сдѣлались слова Рескина: «надо чувствовать, любить и вѣрить въ то, что рисуешь, пишешь и лепишь».

А. Ростиславовъ.

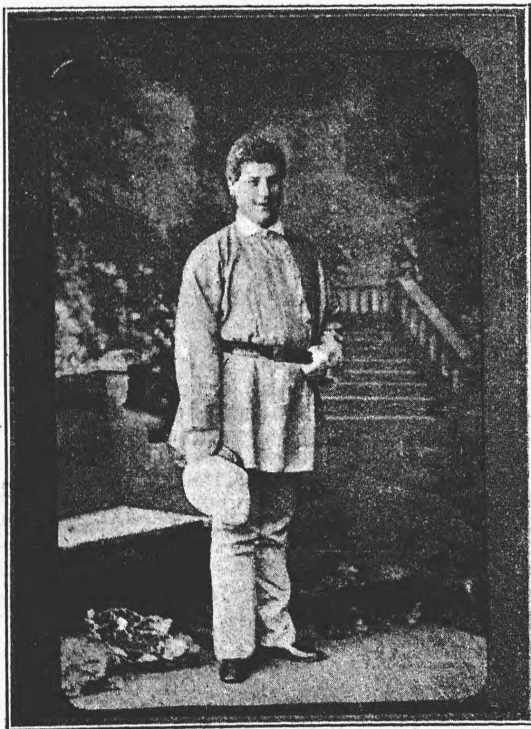

Изъ воспоминаній о К. А. Варламовѣ.

К. А. Варламовъ дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра 9 мая 1878 г. Тяжелое это было время для русскаго театра: труппа была разрознена, столпы ея какъ Самойловъ и П. Васильевъ были принуждены, вслѣдствіе закулисныхъ причинъ, выйти и скитаться по клубнымъ и провинціальнымъ сценамъ, талантливая инсценка Яблочкина, тоже оставила петербургскую сцену, — словомъ все шло въ разрѣзъ и все сильнѣе раздавались голоса о превосходствѣ московской труппы.

Счастье улыбнулось нашему театру 9 апрѣля 1879 года, когда блестяще дебютировала М. Г. Савина, на которой съ первыхъ же дней держался весь послѣдующій репертуаръ, но пробѣлы, образовавшіяся съ уходомъ выше названныхъ артистовъ, оставались незаполненными. И вотъ, 9 мая 1875 г. — странное совпаденіе 9 апрѣля 1874 г. и 9 мая 1875 г. — Александринскому театру вторично улыбнулась судьба. Мы увидѣли въ роли Хлоповина въ драмѣ

КЪ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА (27 декабря).

Варламовъ въ роли гимназиста, въ ком. «Чудовище».

Н. Потѣхина „Злоба дня“ Варламова. Одновременно съ нимъ дебютировалъ тоже принятый на сцену М. Петипа и ангажированный въ Москву Правдинъ. Дебютантъ завладѣлъ съ перваго-же спектакля всеобщими симпатіями появляясь въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ въ комедіяхъ, драмахъ и оперетахъ. 25-лѣтнимъ юношей онъ замѣчательно игралъ старцевъ, въ особенности памятно театраламъ исполненіе имъ, въ бенефисъ Савиной, 80-лѣтняго генерала въ пьесѣ „Гордиевъ узелъ“. По этому поводу вспоминаю разговоръ Варламова на одномъ большомъ обѣдѣ съ какимъ то генераломъ, сверстникомъ изображавшихся артистомъ старцемъ; когда молодой артистъ видя, что собесѣдъ не узналъ его, спросилъ видѣлъ-ли онъ Варламова и какъ послѣдній ему понравился, то генералъ авторитетно отвѣтилъ: „да, батенька, вы бы посмотрѣли Варламова лѣтъ 30 тому назадъ, вотъ тогда онъ былъ артистъ въ цвѣтѣ силъ, а теперь это старая развалина, которую пора сдать въ богадѣльню“. 25-ти лѣтняя „развалина“ не возражала и оставила старика при его убѣжденіи.

На первыхъ-же порахъ Варламову предстояло тяжелое испытаніе, а именно выступить въ роли Осипа въ „Ревизорѣ“, въ каковой всѣмъ былъ памятенъ П. Васильевъ. Изъ этого испытанія артистъ вышелъ побѣдителемъ, прекрасно сыгравъ трудную роль, нисколько не копируя своего знаменитаго предшественника.

Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ нѣтъ возможности остановиться на kaleidoscope типовъ, данныхъ Варламовымъ за 25 лѣтъ его дѣятельности на петербургской сценѣ; почти не было пьесы, въ которой бы онъ не участвовалъ, не брезгуя третьестепенными ролями и возводи ихъ на степень первостепенныхъ. Напримѣръ, въ комедіи Тургенева „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ онъ такъ исполнялъ роль въ одномъ явленіи, что въ 1879 г. знаменитый писатель присутствуя на спектаклѣ, сказалъ: „я никогда не думалъ, чтобы изъ этой роли можно было сдѣлать то, что вы сдѣлали; я вамъ далъ канву, а вы вышили по ней чудесные узоры“. Гоголь, Грибоедовъ, Островскій, Мольеръ, Шекспиръ и другіе, какъ русскіе, такъ и иностранные авторы имѣли въ немъ превосходнаго истолкователя ихъ произведеній. Въ „Ревизорѣ“ онъ игралъ Осипа, Землянику и Горд-

къ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА. (27 декабря).

«Чужое добро въ прокъ не идетъ».

К. А. Варламовъ.

В. Н. Давыдовъ.

къ ЮБИЛЕЮ К. А. ВАРЛАМОВА. (27 декабря).

«Около денегъ». (Послѣдній актъ).

пичаго, въ „Горе отъ ума“ Скалозуба и Горичева, а до поступленія на столичную сцену Фамусова.

Въ публикѣ одно время сложилось убѣжденіе, что Варламовъ исключительно комикъ, что смѣхъ при его появленіи на сцену неизбеженъ; однако, рядомъ ролей онъ доказалъ, что его талантъ обнимаетъ, какъ комическую, такъ и драматическую сторону жизни; стоитъ вспомнить исполненіе имъ ролей въ „Дѣлѣ“, „Мишурѣ“, „Нашъ другъ Неклюжевъ“, „Татьяна Рѣпина“ (послѣдній актъ), чтобы убѣдиться въ справедливости нашей мысли. Въ 1880 году, играя драматическую роль старика-отца въ пьесѣ „Однимъ грѣхомъ болѣе“, онъ вызывалъ у зрителей слезы, какъ рѣдко удается завязному драматическому реперу.

Да иначе и быть не можетъ: истинно комическое въ искусствѣ, какъ и въ жизни, переплетено съ драматическимъ, и истинный талантъ долженъ уметь и плакать, и смѣяться. Развѣ что самый комизмъ „пустый орѣхъ“, — тогда и толковать нечего. Сцена, обладающая такимъ артистомъ, какъ К. Варламовымъ, имѣетъ право гордиться имъ и должна беречь и холить его талантъ, и не загромождать его балластомъ мелкихъ ролей въ бездарныхъ пьесахъ.

Какъ на сценѣ, такъ и внѣ ея, въ Петербургѣ и въ провинціи, откуда онъ вышелъ и куда ежегодно въѣзжаетъ, Варламовъ пользуется симпатіями и любовью, какъ добрый товарищъ и человекъ, идущій на помощь ближнему, когда тотъ въ горѣ. Каждый, любящій нашъ театръ, съ радостью присоединитъ свой привѣтъ къ тому громовому „браво“, которое по заслугамъ должно встрѣтить появленіе на сценѣ юбиляра Варламова 27 декабря 1900 г.

Театральный старожилъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

21 декабря состоялось открытие спектаклей въ народномъ домѣ Императора Николая II. Подобнаго грандіознаго зданія для народныхъ развлеченій и безопаснаго театра, вмѣщающаго болѣе двухъ тысячъ зрителей, нѣтъ во всей Россіи. То, что публика увидѣла вчера и чѣмъ восторгалась, останется памятникомъ энергичной дѣятельности попечительства.

Исполненіе оперы «Жизнь за Царя», которое слѣдовало послѣ пропѣтаго трижды гимна «Боже, Царя храни», восторженно принятого присутствовавшими, обнаружило хорошую постановку сценическаго дѣла. Опера исполнена съ ансамблемъ, при несомнѣаемыхъ аплодисментахъ. Костюмы, декорации и вся монтировочная часть, роскошны для народного театра.

Въ сосѣдней съ театромъ, самой болышій части помѣщенія народнаго дома собралась буквально толпа народа, которую развлекали фокусники, народные пѣвцы и проч. Здѣсь пахло чадомъ, такъ какъ вентиляция не совсѣмъ еще готова. Объ этомъ домѣ мы поговоримъ подробнѣе.

Сенсационная новость, которую необходимо провѣрить. „Journal“ получилъ изъ Нью-Йорка телеграмму о томъ, что извѣстный пианистъ Падеревскій убитъ на дуэли.

Юбилей П. М. Невѣжина состоится 26 декабря.

О. П. Гореву надѣли сдѣлали операцію перерѣзавъ зрительный нервъ. Лѣвый глазъ не будетъ ничѣго видѣть. Съ будущей недѣли О. П. Горевъ выступитъ снова на сценѣ.

Изъ Костромы отъ 19-го декабря телеграфируютъ: вчера въ 8 часовъ вечера едва не сгорѣлъ городской театръ отъ лопнувшей лампы въ кассѣ. Благодаря подоспѣвшей помощи пожаръ ограничился кассою и частью потолка. Кассирша спаслась изъ помѣщенія, охваченнаго пламенемъ.

Г-жа Чарлоне приглашена въ петербургскую консерваторію преподавательницею игры на хроматической арфѣ.

Н. П. Карабчевскій письмомъ въ редакцію „Новаго Вр.“, сообщаетъ, что „Гамлета“ играть не будетъ. Но прочіе адвокаты не отказались отъ своей затѣи.

Бенефисъ артистки Императорскихъ театровъ А. П. Крутиковой за 25-лѣтнюю службу оставляющей теперь казенную сцену, состоится въ Большомъ театрѣ 23 января.

16 ноября въ Большомъ театрѣ состоялся спектакль въ пользу убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ. Программа вышла очень интересною и разнообразною. Всѣ лучшія силы драмы, оперы и балета выступили въ спектаклѣ. Сборъ полный, несмотря на сильно возвышенныя цѣны.

14 декабря въ московскомъ Большомъ театрѣ во время репетиціи пьесы Шекспира «Зимняя сказка» былъ скромно отпразднованъ юбилей почтенной артистки В. С. Васильевой, прослужившей русскому драматическому искусству 25 лѣтъ. Товарищи почтенной артистки, собравшись, поднесли ей золотой съ брилліантами шифръ, причемъ С. А. Черневскій сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность артистки.

Родители П. С. не готовили дочь къ артистической дѣятельности и отдали ее въ пансіонъ г-жи Кноль. Страсть къ театру взяла верхъ надъ желаніемъ родителей и В. С. по окончаніи курса уѣхала къ антрепренеру Павлову въ Калугу. Здѣсь артистка несла самый разнообразный репертуаръ. Въ серединѣ зимы она вернулась въ Москву въ открывшійся народный театръ. Здѣсь она прослужила до 1872 г. Въ этомъ году она послѣ дебюта въ «Игрѣ въ любовь» была принята на сцену Малаго театра, гдѣ служила по сіе время.

Странно только то, что ее чествовали на какой-то репетиціи...

Г. Влейхманъ заключилъ контрактъ съ дирекціей московскихъ Императорскихъ театровъ о постановкѣ „Принцессы Грезъ“, при отчисленіи 10% авторскихъ.

Г. Сафоновъ директоръ московской консерваторіи опасно заболѣлъ.

† 18-го декабря скончался въ Москвѣ В. К. Мелькеничъ въ теченіе 15 лѣтъ управляющій конторой театра Корша. Покойнаго хорошо знала постоянная коршевская публика.

Нѣчто почти анекдотическое. Въ либавскихъ афишахъ напечатано слѣдующее заявленіе отъ дирекціи городского театра: «Къ благосклонному вниманію! По случаю непрерывныхъ враждебныхъ и личныхъ нападеній со стороны газеты „Lib. Ztg.“ и по желанію постоянныхъ посѣтителей и любителей театра, дирекція принуждена «критика». Э. Вормса лишитъ свободнаго доступа». Дирекція. Эта декларация напечатана на двухъ языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ.

Это, кажется, первый случай въ театральномъ мірѣ...

Оркестръ петербургской оперы, по примѣру хора, получилъ отъ дирекціи театровъ бенефисъ. Пойдетъ въ первый разъ опера Н. А. Римскаго-Корсакова «Садко». Этотъ спектакль въ то-же время будетъ и юбилейнымъ, такъ какъ дирекція намѣрена чествовать постановкой «Садко» 35 лѣтъ композиторской дѣятельности его автора.

Балетныя новости. Г-жа Ленъяни танцуетъ послѣдній сезонъ. По семейнымъ обстоятельствамъ она не въ состояніи возобновить контракта. Г-жа Кшесинская серьезно повредила себѣ ногу и вынуждена, на нѣкоторое время, прекратить участіе въ спектакляхъ.

Артистка Харьковскаго театра г-жа Блюменталь-Тамарина и г. Петровскій подписали контракты въ труппу г. Корша. Служба ихъ начнется съ поста 1901 г.

Пьеса П. А. Сергѣенко „Сократъ“, долженствовавшая идти въ бенефисъ г. Далматова, 3 января, снята послѣ первой репетиціи. При ближайшемъ разсмотрѣніи, пьеса оказалась несценичною и малоинтересною. Тотъ же результатъ далъ „ближайшее разсмотрѣніе“ пьесы въ Императорскомъ драматическомъ театрѣ Г. Сергѣенко, однако, получилъ авансы въ обоихъ театрахъ. Мораль: давая авансы, гляди въ оба.

Г. Далматовъ ставить „Кина“ и шутку „Пятиженецъ“.

15-го декабря въ залѣ Павловой состоялось экстренное собраніе общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, созданное для разсмотрѣнія доклада комиссіи по вопросу объ уменьшеніи вычетовъ изъ авторскаго гонорара членовъ общества. Присутствовали: Е. П. Карповъ, В. А. Крыловъ, П. П. Гнѣдичъ, И. Л. Шегловъ, Н. Д. Павловъ, В. В. Билибинъ, М. В. Карѣевъ, А. К. Паули, Н. О. Арбенитъ, К. П. Ларинъ, А. О. Крюковский, З. Б. Осетровъ и П. А. Бородинъ. Предсѣдательствовалъ В. А. Крыловъ. За сѣданіе открылось чествованіемъ памяти скончавшейся К. В. Назаревой. Затѣмъ нѣсколькими членами сдѣлано предложеніе объ избраніи въ дѣйствительные члены: В. Г. Авсѣенко, К. С. Баранцевича, кн. Д. П. Голицына, В. С. Лихачева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, О. Н. Михайловой (Чюминой), С. И. Саоновой (Смирновой), А. А. Тихонова (Лугового) и О. А. Шапиръ. По прочтеніи доклада комиссіи объ уменьшеніи вычетовъ изъ авторскаго гонорара и вмѣстѣ съ тѣмъ, объ уменьшеніи вознагражденія должностнымъ лицамъ комитета общества, главнымъ образомъ—секретарю, получающему 7 1/2 проц. съ валового дохода, что составляетъ около 15,000 р. въ годъ, и казначею, пользующемуся 2 проц., т. е. 5,000 р. въ годъ. Собраніе постановило: а) принять единогласно предложеніе комиссіи объ уменьшеніи размѣра вычета изъ авторскаго гонорара на 5 проц. какъ съ оригинальныхъ, такъ и съ переводныхъ пьесъ (съ первыхъ—15, а со вторыхъ 30 процентомъ); б) принять единогласно предложеніе комиссіи, чтобы вознагражденіе мѣстнымъ агентамъ общества, завѣдывающимъ сборомъ по-спектакльной платы съ антрепренеровъ, было оставлено вознагражденіе въ прежнемъ размѣрѣ—10 проц.; в) по предложенію комиссіи о томъ, чтобы вознагражденіе секретаря общества было непременно процентнымъ, и чтобы размѣръ, его былъ пониженъ съ 7 1/2 до 5 проц., голоса раздѣлились: по закрытой баллотировкѣ 13 голосовъ высказались за уменьшеніе вознагражденія до 3 проц., а 7 голосовъ—за назначеніе 5 проц.; г) жалованье казначею опредѣлено въ размѣрѣ 4,000 р. 9-ю голосами, а 11 голосовъ признали необходимымъ уменьшить это жалованье до 3,000 р.; д) единогласно при-

нято предложене повысить жалованье письмоводителю съ 1,000 р. до 1,200 р.; е) предложене комиссии—отпускать въ распоряженіе секретаря 3,000 р. въ годъ на содержаніе писцовъ вызвало постановленіе собранія—затребовать отъ комитета подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ, въ какихъ ведется дѣлопроизводство общества. Засѣданіе закончилось внесеніемъ на обсужденіе будущаго очереднаго собранія вопроса о наймѣ помѣщенія для общества, какового донинѣ не имѣется.

* * *

† К. В. Назарева.

Арфа—пріятный сольный инструментъ для небольшого помѣщенія, но наполнить арфой грандіозный залъ Дворянскаго Собранія—это не могло удалиться даже г-жѣ Чарлоне. Ея концертъ, 15 декабря, имѣвшій также благотворительную цѣль, доказалъ это. Мало помогла и приманка новизны: хроматическая арфа безъ педалей, новѣйшее изобрѣтеніе фирмы Плейель Вольфъ въ Парижѣ, которую концертантка впервые у насъ демонстрировала. Арфа этой системы проще и легче для усвоенія, чѣмъ педаляная, поэтому у любителей и особенно у любительницъ ей можно предсказать извѣстную будущность, но привѣтся-ли она какъ инструментъ, пригодный къ серьезнымъ музыкальнымъ задачамъ, пока предвидѣть трудно. Лишенная педалей, арфа теряетъ много изъ своихъ характерныхъ эффектовъ (септаккорды глассандо, дублированія ужессона и др.), но съ перекрестными струнами она приобретаетъ хроматическую гамму, глассандо диатонической безъ терции и сепримы (соотвѣтственно чернымъ клавишамъ) и, вѣроятно, другіе эффекты, которые откроетъ лишь практика. Нѣкоторые жалуются на то, что Плейелевская арфа уступаетъ Эраровской въ красотѣ звука. Но здѣсь, быть можетъ, принципъ перекрестныхъ струнъ не причеъ, и современемъ, совершенствуясь, техника дѣла сумѣетъ поднять достоинство тона, не жертвуя этимъ принципомъ. Поднять самую идею по ея первымъ результатамъ было бы слишкомъ поспѣшно. Артистическое и художественное исполненіе г-жи Чарлоне, во всякомъ случаѣ, показало, что произведенія не теряютъ ничего, будучи исполнены на новой арфѣ. Композиціи г-жи Чарлоне, изъ которыхъ отмѣтимъ красивое «Impromptu», исполнѣ «арфы» по характеру и не уступають обычному репертуару для этого инструмента. Что касается совершенно естественной идеи воспользоваться для хроматической арфы, уравнившей составу звуковъ съ фортепiano, готовой литературой этого послѣдняго, то ее лишь отчасти можно одобрить. Скромному тону арфы тягаться съ полнымъ звукомъ рояля отнюдь не слѣдуетъ, и даже дѣтская соната Бетховена ор. 49, sol maj., звучала очень мизерно и казалась блѣдной тѣнью столь знакомой сонаты. Зато fuga Баха, какъ нельзя лучше подошла къ бѣглымъ и легкимъ перепорамъ арфы. Ноктюрнъ Шопена показалъ и сильныя, и слабыя стороны инструмента: идеально аккомпанируя, онъ бессиленъ дать настоящую кантилену. Мастерски владея инструментомъ и будучи серьезной музыкантшей, г-жа Чарлоне можетъ плодотворнѣйшимъ образомъ расширить литературу арфы, если она, съ одной стороны, изъ готоваго матеріала будетъ разборчиво останавливаться лишь на пригодномъ (у старыхъ мастеровъ клавирина эта найдетъ цѣлое богат-

ство), съ другой стороны, будетъ перерабатывать чужія музыкальныя идеи въ духъ своего инструмента, какъ она это удачно сдѣлала съ баркараллой Глинки.

Я. Э.

* * *

29 декабря въ Томскѣ празднуеть двадцатипятилѣтній юбилей Евдокія Васильевна Горская, комическая и драматическая старуха. Портретъ ея помѣщаемъ ниже.

* * *

«Буреломъ» былъ поставленъ на сценѣ московскаго Малаго театра 2 декабря. Пьеса имѣла большой успѣхъ. Авторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ.

* * *

Въ Новочеркасскѣ, 2-го января состоится тридцатипятилѣтній юбилей дѣятельности ветерана русской сцены Александра Евграфовича Петрова. Труппа Новочеркаскаго театра намѣрена праздновать день юбилея своего товарища.

* * *

Намъ пишутъ изъ Харькова. Въ труппу А. Н. Дюковой подписалъ на будущій сезонъ г. Карамазовъ, играющій теперь въ Вяткѣ. Подписанъ контрактъ также съ г-жей Карпенко.

Кромѣ того, ведутся переговоры съ г. Соколовскимъ изъ театра Корша.

Драматическій театръ на вторую и третью недѣлю поставитъ г. Песочкимъ, въ составъ труппы котораго войдутъ г-жи: Мартынова, Днѣпрова и гг. Самойловъ, Людвиговъ и др.

* * *

Въ Александринскомъ театрѣ на-дняхъ дана была въ первый разъ одноактная пьеса—этюдъ г. И. Яковлева (Павловскаго) «Въ зимній вечеръ». Роли пьесы распредѣлены были между г-жами Савиной, Дюжиковой, г. Жуваловой, г. Сазоновымъ. Небольшая дѣйствіемъ, пьеса г. Павловскаго передаетъ однако зрителю неподдѣльное лирическое настроеніе. Пьеса имѣла успѣхъ. Артистовъ дружно вызывали.

* * *

Петербургскій театр. Изящная, граціозная и въ высшей степени остроумная комедія Бомарше «Свадьба Фигаро», поставленная въ бенефисъ г-жи Шабельской, принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, для которыхъ время какъ будто не существуетъ. Прошло уже столѣтіе со дня созданія комедіи, пройдетъ и еще не мало времени, а публика, по-прежнему, будетъ до слезъ смѣяться надъ весельчакомъ Фигаро, столь же беззаботнымъ, сколь и остроумнымъ.

Правда, комедія потеряла сатирическій характеръ, какой она имѣла въ свое время, но образы Фигаро, Розины и Сюзанны — вѣчны, по крайней мѣрѣ, насколько вѣчны черты гальской жизнерадостности.

Нельзя не быть благодарнымъ г-жѣ Шабельской за возобновленіе этой пьесы въ ея бенефисъ. Къ сожалѣнію, комедія оказалась совсѣмъ не по плечу труппѣ Петербургскаго театра. Актеры играли «Свадьбу Фигаро» по тому же шаблону, по которому въ этомъ театрѣ играютъ пьесы изъ жизни «милыхъ, но погибшихъ созданий». Въ исполненіи прежде всего не чувствовалось стиля, соотвѣтствующаго эпохѣ, а безъ этого комедія теряетъ значительную долю интереса.

Обставлена пьеса великолепно. Прекрасныя декорации, роскошныя костюмы—все это говоритъ о томъ, что г-жа Шабельская не пожалѣла денегъ. Жаль только, что дирекція не потрудилась сдѣлать для г-жи Гонской новаго парика. Эта госпожа все время очень старательно запускала пальцы въ голову. Впрочемъ, быть можетъ это «метла» игры.

Бенефициантка получила много подарковъ—и цѣнныхъ, и цвѣточныхъ. Театръ былъ полонъ.

Вл. Л—скій.

* * *

Василеостровскій театр. «Орленокъ» (Принцъ Рейхштадтскій) пьеса въ 6 карт. А. Черскаго.

Прежде всего предупрежденіе: «Орленокъ» г. Черскаго не «l'Algon» Эдм. Ростана, и г. Морвиль поэтому — не Сара Барнар.

«Авторъ» пьесы въ данномъ случаѣ поступилъ какъ вино-торговецъ, наклеивающій на бутылку сомнительнаго вина «отечественной фабрикаціи» завлекающій ярлыкъ и продающій вино за настоящее заграничное. Публика, несмотря на морозъ, биткомъ наполнившая театръ, очевидно, ожидая увидѣть театральныя «гвозди» Парижской выставки, выдержавшія болѣе 300 представленій, но жестоко обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. вмѣсто блестящей, хотя и отызывающейся фанфаранствомъ, драмы Ростана, зрители смотрѣли растянутую, скучную передѣлку не то французскаго бульварнаго романа, не то нѣмецкой повѣсти Луизы Мюльбахъ. вмѣсто несчастнаго сына великаго Наполеона, трогательнаго, гордаго франка, непокорнаго и могучаго даже въ кѣткѣ, была легкомысленная птичка, которая «ходитъ весело по тропинкѣ бѣдствій, не

предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій». Для дирекціи же послѣдствія были едва-ли пріятны, ибо публика была недовольна мистификаціей. Пьеса, хотя и прикрыта якобы шитомъ исторіи, но явно грѣшитъ противъ правдивой музы бытописанія. Такъ, напримѣръ, сына великаго французскаго орла хотятъ и освободить изъ австрійской кѣтки не французы, а какая-то неизвѣстная, къ дѣлу совершенно непричастная итальянская графиня, въ сообщничествѣ съ подозрительнымъ господиномъ, носящимъ неблагозвучную фамилію Шуллера (sic!). Съ художественной стороны пьеса также оставляетъ желать много лучшаго. Дѣйствіе пьесы развивается крайне медленно и только въ 5-й картинѣ принцъ Рейхштадтскій, или какъ говорили нѣкоторые актеры «Принцъ Расатскій», начинаетъ дѣйствовать, демонстративно уѣзжая въ маскарадъ. Несмотря на всѣ старанія дирекціи затратившей на постановку изрядныя средства, пьеса не оставляла впечатлѣнія, въ чемъ виноваты, конечно, и актеры, грубо и шаблонно игравшіе свои роли Г. Морвилъ довольно удачно подражалъ молоденькимъ «ingénus» въ манерѣ держаться, былъ довольно красивъ, но... и только. Сомнѣваемся, чтобы такую графиню, какъ г-жа Прокофьева, пустили ко двору австрійскаго императора. Впрочемъ, кажется, дворъ въ Шенбруннѣ тогда не отличался изысканностью манеръ, потому что самъ эрцгерцогъ Карлъ (г. Холминъ), былъ удивительно похожъ на приходскаго пономаря, а маршалъ Мормонъ на крѣпостнаго лакея добраго стараго времени. Благопріятно выдѣлялся г. Андрушевскій, выдержанно проводившій роль Меттерника, г. Свѣтловъ, игравшій генерала Бельяра, а особенно г. Львовъ, съ подлѣмомъ сыгравшій роль садовника, бывшаго гренадера «Великой арміи». Эта незначительная и блѣдно-написанная роль соотвѣтствуетъ блестящей роли гренадера Фламбо у Ростана, въ которой Гитри имѣетъ успѣхъ едва-ли не больше самой Сарры Бернхар.

В. Л—б—въ.

* * *

Сцена «Русскаго Купеческаго Общества для взаимнаго вспоможенія» пользуется нынѣшнемъ сезонѣмъ расположеніемъ публики. Здѣсь подвизается довольно удачно подобранный г. Никольскимъ драматическая труппа. Съ успѣхомъ въ продолженіе сезона были даны: «Смерть Іоанна Грознаго» гр. А. Толстого, «Гроза» Островскаго, «Борцы» М. Чайковскаго и др. На-дняхъ исполнена была на этой сценѣ новая пьеса Н. Э. Гейнце, «Фельветонный романъ». Это хорошенкаго живая картина повсѣдневной жизни, премило разыгранная г-жами Огинской и Миловидовой и гг. Максимовымъ и Радинымъ. Пьеса имѣла большой успѣхъ. По окончаніи спектакля автора вызвали два раза.

* * *

По случаю истекшаго тридцатипятилѣтія музыкальной дѣятельности нашего маститаго композитора Н. А. Римскаго-Корсакова, первое отдѣленіе общедоступнаго симфоническаго концерта 17-го декабря, отведено было его произведеніямъ. Исполнены были общезвѣстные оркестровыя вещи его: «Воскресная увертюра» (требующая большой цѣльности и широты исполненія), и «Испанское каприччіо», хорошо проведенное г. Владиміровымъ. Публика восторженно отнеслась къ каприччіо, и устроила овацію автору, получившему вѣнокъ отъ администраціи и трижды выходившему на вызовы. Вокальные номера оставляли желать лучшаго, такъ какъ голоса исполнителей по достоинству были неважныя. Удачнѣе другихъ спѣла г-жа Пржебылецкая во второмъ отдѣленіи свою арію въ ораторіи Сенъ-Санса, «Рождество Христово». Ораторія не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ автора; кромѣ пасторальнаго вступленія, да одного хора съ оригинальнымъ оркестровымъ аккомпаниментомъ, въ немъ мало выдающагося. Но все таки было интересно прослушать одинъ изъ образцовъ столь рѣдко исполняющейся у насъ ораторіальной музыки.

Вечеромъ того же дня собраніе музыкальных педагоговъ въ залѣ нѣмецкаго Петропавловскаго училища было всецѣло посвящено чествованію композитора-юбиляра. Избранная публика, присутствіе высокихъ особъ, свѣтилъ искусства и науки, общее повышенное настроеніе,—все говорило о торжественности момента. Открылось чествованіе подблюдной хоровой пѣсней юбиляра «Слава», исполненной соединенными хорами Русскаго Музыкальнаго Общества и хора любителей пѣнія подъ управленіемъ г. Казаченки. Этотъ опытный хормейстеръ, наканунѣ чуть не экспромтомъ, совладавшій съ гранціозной задачей управленія рѣвимою Брамса, здѣсь, какъ на зло, далъ нѣчто весьма нестройное и немзыкальное. Это было и обидно, и печально. Публика въ недоумѣніи апплодировала автору и смыслу исполняемаго, краснѣя за исполненіе. Выручили депутаты, потянувшіеся на эстраду. Масса вѣнковъ, телеграммъ и адресовъ. Перечислить всѣ не хватитъ мѣста. Назовемъ телеграмму великаго князя Сергія Михайловича, адреса: отъ общества музыкальных педагоговъ, гдѣ юбиляръ состоитъ почетнымъ членомъ, отъ придворной капеллы; отъ общества литераторовъ и ученыхъ, отъ городской думы, отъ хора русскаго музыкальнаго общества, отъ оркестра студентовъ технологическаго института, отъ Петербургскихъ музы-

кальныхъ рецензентовъ. Среди обычныхъ юбилейныхъ формулъ выдѣлимъ сердечно и содержательно написанный адресъ отъ кружка имени поэта Полонскаго, стихотвореніе г. К—аго мѣтко и картинно характеризующее чествуемаго художника, отлично прочтенное г. Луначарскимъ, и привѣтствіе отъ администраціи общедоступныхъ концертовъ, сказанное гр. Шереметьевымъ съ замѣчательной четкостью, ястностью и свободой, особенно пріятной послѣ массы рѣчей, достоинства которыхъ слушателямъ оставалось только принимать на вѣру. Но добрыя намѣренія всѣхъ депутатовъ покрывались дружными апплодисменгами публики и фанфарами духового оркестра гр. Шереметьева, привѣтствоваващаго юбиляра «мѣдной хвалой», взятой отовсюду изъ его-же твореній: туръ и аккорды «Воскресной увертюры», и «Каприччіо», и «Садко», и «Салтанъ»...

Во время чтенія адресовъ юбиляру были поднесены вѣнки: «Отъ музыкально-драматическихъ курсовъ Раппопъ—великому нашему художнику Н. А. Римскому-Корсакову»; «Отъ с.-петербургскаго филармоническаго общества—своему почетному члену, высокоталантливому композитору»; «Администрація общедоступныхъ симфоническихъ концертовъ—глубокоуважаемому Н. А. Римскому-Корсакову». Былъ еще вѣнокъ отъ неизвѣстнаго, съ надписью: «Нашему родному генію Н. А. Римскому-Корсакову—XXXV» и съ запечатаннымъ письмомъ.

За депутациями слѣдовала художественная часть программъ. Чтобы сразу облегчить душу, уклонясь отъ порядка номеровъ и прямо перейду къ несравненной, дивной художницѣ и кудесницѣ нашей М. И. Долиной. Такого мастерства, и чисто русскаго мастерства, такой полноты и законченности искусства, какую блеснула пѣвица на этотъ разъ, мы до сихъ поръ еще не слыхали. Первоклассный и самобытный творецъ нашелъ здѣсь первоклассную и самобытную истолковательницу,—и только тутъ можно было судить о цѣнѣ того и другого. Этого Леля, этихъ причитаній изъ пѣсни Любаши («Парская невѣста»), идущихъ безъ единой ноты въ аккомпаниментъ и все таки съ идеальной чистотой интонаціи,—слушатель не забудетъ. Отдавши художницѣ дань своего восторга, попробую спокойно говорить объ остальномъ. Квартеристы общества: гг. Михаловскій, Лаланъ, Піорковскій и Кузнецовъ съ достаточной сыгранностью и вдумчивостью передали allegro изъ квартета В-а-І-а. Г-жа Гляссеръ и г. Морской отдѣльно и вмѣстѣ сумѣли выдвинуть красоты спѣтыхъ ими номеровъ (отмѣтимъ чудные дуэты ор. 47: «Панъ и «Пѣсня пѣсенъ»). Всѣмъ имъ помогала истинно художественный аккомпаниментъ г. Феликса Блуменфельда, превратившійся въ скрипичную фантазію ор. 33 въ соло со скрипкой, такъ какъ г. Михаловскій, недурной квартеристъ, оказался весьма неважнымъ, несмѣлымъ и скучнымъ солистомъ. Въ общемъ, нынѣшнее чествованіе показало, что крупный талантъ Н. А. Римскаго-Корсакова нашелъ наконецъ всеобщее признаніе, что въ общемъ представленіи это уже не «кучкисъ», не врагъ искусства, а одинъ изъ замѣчательныхъ творцовъ его, что назрѣло иное убѣжденіе и, назрѣвши, сказалось отчетливо и сердечно. Это отрадно не только для композитора, но и для самой публики.

Я. Эрихъ.

* * *

Молодой скрипачъ, Адольфъ Мецъ,—одинъ изъ талантливейшихъ представителей школы проф. Ауэра, у котораго онъ прошлой весной кончилъ консерваторію. Его концертъ, 14 декабря, собралъ въ малый залъ консерваторіи довольно много публики. Кромѣ неизбѣжныхъ для скрипача Вьетана и Саразате, концертантъ сыгралъ по программѣ и сверхъ программы такія интересныя вещи, какъ сонату q-moll Тартини, 1-ую часть концерта Чайковскаго, Albumblatt Вагнера, «Шелкунъ» Шуберта, Cantabile Кюи, «Серенаду» Аренскаго, Spinnerlie Поппера и много другое. На всемъ лежала печать благороднаго изящества, юношеской свѣжести, блеска, смѣлости и виртуозности. Тонъ молодого скрипача все совершенствуется, техника отличная, а когда онъ со временемъ отдѣлается отъ волненія и приобрететъ господство надъ своимъ темпераментомъ, то исчезнетъ и проскальзывающая иногда неточность интонаціи. Въ толкованіи авторовъ много вкуса, жизни, пониманія: не слѣдуетъ только красиваго принимать за прекрасное. Впрочемъ, концертантъ показалъ, что онъ и въ красивомъ умѣетъ открывать прекрасное: въ передачу Zigeunerweisen Саразате онъ вложилъ столько искренности и такое чувство мѣры, что сдѣлалъ изъ нея истинно художественную вещь. Отмѣтимъ также рельефное исполненіе концерта Чайковскаго. Проф. Вержбиловичъ, поддержавшій молодого концертанта своимъ участіемъ, по обыкновенію, вставилъ публику насладиться своей игрой въ пустякахъ Поппера, а также въ аккомпаниментѣ пѣнію одной изъ молодыхъ нашихъ оперныхъ пѣвицъ. У послѣдней голосовыя данныя оказались обширнѣе ея музыкальнаго кругозора: когда она слушалась своего голоса (арія изъ «Самсонъ и Далила»), результаты получились лучшіе, чѣмъ когда голосъ подчинялся ей (романсы). Зато пѣвецъ, нынѣшній любимецъ публики, сумѣлъ угодить и знатокамъ, и любителямъ: это одинъ изъ

лучшихъ исполнителей Чайковского. Всѣ участвующіе имѣли успѣхъ, котораго они вполне и заслуживали. Я. Э.

* * *

Великимъ постомъ въ Варшавѣ будетъ играть труппа артистовъ Александринскаго театра. Администраторомъ и импресарио является П. Д. Левскій.

* * *

Бенефисъ К. А. Варламова состоится 27 декабря. Идетъ «Снѣгурочка», причемъ главную роль играетъ г-жа Комиссаржевская, весну-красну—г-жа Мичурина, Кунаву—г-жа Потоцкая, а Леля... г. Ходотовъ! Что за «берендѣйство», выражаясь языкомъ, «Снѣгурочки»! Леля всегда играла женщина, и всегда именно женщина давала въ этой роли поэзію и мягкость. Г. Давыдовъ—немножко «шиворотъ на выворотъ».

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Кіевъ. Въ репертуарѣ соловцовской труппы въ Кіевѣ произошли нѣкоторыя пертурбации вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между г. Соловцовымъ и г-жей Пасхаловой. Последней будто бы, предложили ангажемента въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества въ Петербургѣ на 1000 руб. (?) жалованья въ мѣсяцъ. Г-жа Пасхалова рѣшила отклонить это предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ г. Соловцовъ увеличилъ ей теперешнее жалованье. Изъ-за этого возникли разногласія, послужившія причиною того, что г-жа Пасхалова все время не участвовала въ спектакляхъ, и объявленные съ ея участіемъ «Буреломъ», «Одинокіе» и др. пришлось отложить. Недоразумѣнія эти теперь улажены. Изъ состава труппы вышла г-жа Морская.

Одесса. Съ 6 января въ Русскомъ театрѣ начнутся спектакли опереточной труппы Новикова, играющей въ настоящее время въ Николаевѣ. Съ открытіемъ сезона въ Одессѣ труппа пополнится нѣсколько вновь приглашенными артистами, такъ, напр., приглашенъ г. Блюменталь-Тамаринъ и г-жи Никитина и Милютина. Кромѣ того, въ труппѣ служатъ: гг. Свѣтлановъ и Рутковскій.

Театральная коммисія разрѣшила Н. Н. Соловцову раздѣлить обязательный 3-хъ мѣсячный сезонъ русской драмы на два сезона—осенній и великопостный.

М. И. Воронцова-Ленни совершенно оправилась и на-дняхъ выѣзжаетъ въ Кишиневъ, гдѣ она служить въ труппѣ Волгининой.

Житомиръ. Комитетъ Попечительства о народной трезвости удовлетворилъ ходатайство русскаго драматическаго общества и предоставилъ въ его распоряженіе народный театръ съ тѣмъ, чтобы общество, на свой счетъ, не требуя болѣе никакихъ субсидій отъ комитета, ставилъ ежемѣсячно не менѣе 2 народныхъ спектаклей.

Въ ночь на 13-е декабря, городской театръ чуть не сдѣлался жертвой огня. Въ 3 часу ночи за кулисами показалось пламя, быстро распространявшееся. Оказалось, что въ коридорѣ вѣдушемъ къ ложѣ городского головы, загорѣлась кушетка, набитая соломой. Показавшійся огонь однако быстро былъ потушенъ.

Кіевъ. 14 декабря въ конторѣ нотаріуса Викторова довѣренный отъ М. М. Борода инженеръ Шпилеръ заключилъ съ городскимъ управленіемъ контрактъ на антрепризу городского театра.

Саратовъ. Какъ извѣстно, артисты г. Борода получили на марки далеко не полнымъ рублемъ. Причина тому—непомѣрные расходы, которые, какъ теперь оказалось, достигли 22,000 руб.

Тифлисъ. Въ апрѣлѣ и маѣ въ мѣстномъ театрѣ будетъ подвизаться драматическая труппа, подъ управл. Л. К. Людвигова.

Маленькая хроника.

*** Надъ Н. Н. Соловцовымъ стряслась бѣда. Еще недавно онъ собирался съѣхать Тифлисъ, Семипалатинскъ, Варшаву и Москву (всего) какъ вдругъ... «Исторія болѣзни Пытцова» погубила Н. Н. Соловцова: онъ раздвоился. Началось съ того, что онъ вздумалъ издавать въ Кіевѣ газету, гдѣ, главнымъ образомъ, сотрудничаютъ испанскіе гиддальгдонъ-Базиліо, донь-Эмилио и др. Успѣхъ пьесы г. Трахтенберга усилилъ ходъ болѣзни. Въ ночь, когда въ Кіевъ пріѣхала труппа театра, Н. Н. Соловцовъ окончательно раздвоился. Ему кажется, что Соловцовыхъ два; одинъ—пріѣзжаетъ съ труппой, хлопочетъ, и играетъ Гамлета; другой—сидитъ въ редакціи, завѣдуя «Кіевской Газетой», пишетъ и слѣдитъ за новопрібывшимъ однофамильцемъ.

Вотъ какія строки читаемъ мы въ «Кіевской Газетѣ» г. Соловцова по адресу г. Соловцова.

«Добро пожаловать! съ сегодншняго дня въ театрѣ Соловцова начинаются спектакли мѣстной драматической труппы... Есть обстоятельство, побуждающее меня съ особенно радостнымъ чувствомъ привѣтствовать пріѣздъ въ Кіевъ именно драматической труппы Н. Н. Соловцова; этой труппой съ г. Соловцовымъ во главѣ, создано дѣло русской драмы въ Кіевѣ; за ней и ся антрепренеромъ—неоспоримая заслуга передъ мѣстнымъ обществомъ... Привѣтъ вамъ, старые наши знакомые дарившіе насъ столько разъ минутами высокаго эстетическаго наслажденія, пробуждавшіе въ насъ «чувства добрыя», привѣтъ вамъ товарищи по общей культурной работѣ на мало обработанной нивѣ мѣстной жизни! Добро пожаловать!»

Такова эта «исторія болѣзни» или «Потемки души». Г. Соловцовъ очень радъ пріѣзду г. Соловцова и съ чувствомъ жмется самъ себѣ руку.

*** Лѣтомъ этого года мнѣ пришлось побывать въ небольшомъ городѣ Западнаго края В., въ то время, когда тамъ гастролировала специально выписанная для оживленія сезона итальянская опера Кастеллаво. Какъ сотрудникъ specialнаго падавія, я обратился къ директору съ просьбой предоставить мнѣ свободный входъ. До сихъ поръ я вспоминаю коротенькаго, черненькаго, толстаго съ увѣсеннымъ брюшкомъ и тройнымъ подбородкомъ чело-вѣчка. Онъ пристально смотрѣлъ на мою карточку, потомъ переводилъ свои, выкатившіеся изъ орбитъ, глаза на меня, потомъ снова на карточку, потомъ на кассира. И мало по-малу отъ этого, упорнаго, молчаливаго разглядыванія, мнѣ стало какъ-будто казаться, что я поддѣлалъ карточку и подишь. Наконецъ, толстый итальянецъ, безъ всякой пощады коверкая русскія слова, сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Ну, хорошо, только чтобы писать, а не какъ-нибудь такъ... Мнѣ все равно ругать или хвалить—это какъ изъ вашей головы понимаетъ, но чтобы реклама мой труппы.

Я обѣщалъ писать «изъ моей головы» и... какъ водится, обѣщанія почти не исполнилъ.

Спѣшу теперь передъ почтеннымъ маэстро и «его труппу» заглядеть свою вину.

Мѣсто дѣйствія—Полтава. Время—7 декабря с. г. Названіе—«Знавый вѣчеръ съ итальянцами» или «Новый эпизодъ Эрнани».

Дѣйствіе «Эрнани» шло настолько правильно и согласно съ текстомъ и партитурой, что никто и не ожидалъ впріавта. Вдругъ въ V актѣ за вышедшимъ на сцену г. Гамба (Эрнани) появляется г-жа Пойдебардъ (Эльвира) и объявляетъ публикѣ, что только-что ее побилъ артистка Кастеллаво. Невольно вспоминается выраженіе арестанта въ очеркахъ каторжнаго театра г. Дорошенка—«Бичъ!» Незнакомые съ оперой полтавцы сначала не обратили было никакого вниманія: молъ, до свадьбы заживетъ, и опомнились только тогда, когда весь пятый актъ прошелъ *безъ Эльвиры*. Дождавшись смерти Эрнани, публика стала усиленно вызывать г-жу Пойдебардъ, бросала на сцену цветы, пляши, фуражки. Нѣкоторые восторженные умы, мечтавъ, вѣрно, о какомъ-то всеобщемъ прощеніи, «когда всѣ и все поймутъ и г-жа Кастеллаво пойметъ» стали вызывать и послѣднюю, но послѣдняя не показывалась.

Поздно ночью разошлись полтавцы довольные оперой, своимъ высказаннымъ благородствомъ и поправляя измятыя фуражки.

Интереснѣе всего то, что на другой день обѣ артистки вышли на сцену и публично поцѣловались.

О. Димовъ.

ИТАЛИАНСКАЯ ОПЕРА.

Г-жа Фабри (въ роли Азучены). Рис. А. Любимова.

Музыкальные замѣтки.

Четвертое симфоническое собрание было чрезвычайно интересно своимъ праздничнымъ характеромъ. Это былъ действительно праздникъ, да двойной еще при этомъ; во-первыхъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ праздновалъ свой 35-ти лѣтній юбилей своей музыкальной дѣятельности. Присутствовавшіе въ залѣ привѣтствовали его восторженными кликами, свидѣтельствуя этимъ насколько велика у нихъ любовь къ его чудеснымъ партитурамъ. Во-вторыхъ, нашъ знаменитый юбиляръ устроилъ для публики праздникъ, познакомивъ ее съ отрывками изъ своей новой оперы «Сказка о царѣ Салтанѣ». Эти новыя страницы такъ вдохновенно хороши, что невольно жалѣешь объ отсутствіи въ Петербургѣ оперной сцены, которая бы догадалась поставить эту новинку. На казенной сценѣ, вѣроятно, соберутся поставить «Царя Салтана» лѣтъ черезъ пятнадцать, пріурочивъ постановку его къ 50-ти лѣтнему юбилею. Въ Мариинскомъ театрѣ всѣ слишкомъ заняты Валькиріями, да Богемами. Будемъ увѣрять себя, что все это очень хорошо и чрезвычайно важно; и что въ этомъ и выражаются попеченія о русскомъ искусствѣ.

Но возвратимся къ новой сюитѣ для оркестра, музыкальнымъ картинкамъ къ сказкѣ «о Царѣ Салтанѣ». Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ еще интересной партитуры этихъ трехъ музыкальных картинокъ, и я принужденъ ограничиться пересказомъ ихъ содержанія, прибавляя къ нему отъ времени до времени тѣ выраженія восторга, которые мой карандашъ зачертилъ на поляхъ программы.

Содержаніе первой картинки пересказать не долго. Дѣло въ томъ, что «въ тѣ поры война была». Царь Салтанъ съѣлъ на коня, наказавъ женѣ беречь себя и поѣхалъ. Вотъ и вся исторія. Но этотъ лаконизмъ повѣствованія открываетъ передъ музыкантомъ-художникомъ широкую панораму. Дивной кистью взмахнувши Н. А. Римскій-Корсаковъ и картина получилась рѣдкостная! Въ ней слушатель различаетъ три эпизода войны. Сцена прощанія съ женой и ласковыя слова увѣщанія и наказа наконецъ, отъѣздъ Салтана. И вотъ онъ ѣдетъ. Добрый конь въ сѣдлѣ его пошатывается. Сабелька съ боку позвякиваетъ. Путь-дорога предъ царемъ извивается... А онъ все дальше и дальше и скрылся за клубами пыли... Въ музыкѣ все это передано съ удивительной картинностью. Но не съ той условной картинностью, которая въ оныя времена

попутно излагалась на страничкѣ программы. Напр., вы чувствуете, что композиторъ прочелъ стихи Пушкина и вдохновенный ихъ образностью, не стремясь къ точному воспроизведенію каждаго стиха, даетъ просторъ своему широкому творчеству, унесшему его далеко за предѣлы сухой программы.

Такъ же широка и блестяща вторая картина. «Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ, въ синемъ морѣ волны хлещутъ, туча по небу илетъ, бочка по морю плыветъ. Словно горькая вдовца плачетъ, бьетъ въ ней царица. И растетъ ребенокъ тамъ, не по днямъ, а по часамъ». Эта чудная картина поэта давно ждала себѣ чародѣя звуковъ и дождалась наконецъ. У г. Римскаго-Корсакова водная стихія, баюкающая мрачную колыбель младенца съ плачущей царицей, изображена въ его картинѣ съ поразительной силой. Вы точно видите передъ собой угрюмое море съ сѣдыми волнами, вздымающими бочку, шумъ моря и мрачное небо съ надвигающейся тучей, и рѣзкія стоны царицы. Эти стоны удивительно эффектны.

Но вотъ и послѣдняя картинка—три чуда. «Въ городѣ на островѣ Буянѣ, какъ извѣстно, были три чуда: бѣлка, что при всѣхъ золотой грызетъ орѣхъ, изумрудецъ вынимаетъ, а скорлупку собираетъ, кучки ровныя кладетъ и при честномъ народѣ поетъ «во саду-ли въ огородѣ». Второе чудо—тридцать три богатыря, выходящіе изъ морской пучины. И третье—царевна красоты небывалой. Она «днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ, ночью землю освѣщаетъ, мѣсяцъ подъ косой блещитъ, а во лбу звѣзда горитъ». Изъ этихъ трехъ чудесъ въ особенности хороши у г. Римскаго-Корсакова первое и второе. Бѣлочка прямо очаровательна. А когда она запѣваетъ съ флейточной оркестра, подъ втору нисходящей гаммы кларнета, свою пѣсеньку «во саду-ли въ огородѣ», то право чувствуешь себя на славномъ островѣ Буянѣ... Но вотъ море закипаетъ и изъ волнъ при энергичныхъ звукахъ фанфаръ выходятъ богатыри. Сжатая и сильная картина. Именно всплескъ волны.

ИТАЛИАНСКАЯ ОПЕРА.

Маттіа Баттистини (въ «Трубадурѣ»). Рис. А. Любимова.

Третье чудо показалось мнѣ менѣе яркимъ. Первая часть носитъ нѣсколько балетный характеръ. Тема взята черезчуръ сентиментальная и мало отвѣчающая опредѣленности Пушкинскаго стиха. Но все остальное опять дышетъ силой и вдохновеніемъ нашего гениальнаго автора.

Эти «три чуда», такъ слѣдовало бы назвать «картинки къ сказкѣ о Царѣ Салтанѣ», имѣли громадный успѣхъ, настоятельно просили повторенія, но повторили лишь послѣднюю картину.

Дирижировалъ оркестромъ авторъ и на этотъ разъ чрезвычайно удачно, съ большимъ подъемомъ и энергіей.

Послѣ «трехъ чудесъ» на эстраду вышла депутація отъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и привѣтствовала юбиляра. Сердечную рѣчь произнесъ г. Герке, очертившій всю трудную, но блестящую дѣятельность уважаемаго профессора, всей душой преданнаго служенію русскому искусству.

Солитомъ вечера выступилъ г. Жакобсъ. Виолончелистъ этотъ пользуется большою популярностью и любовью публики. Играетъ онъ дѣйствительно мастерски, но тонъ у него слабавать, что и чувствовалось во второй части сыграннаго имъ концерта де-Сверта. Концертъ этотъ довольно-таки не интересный. Уже очень много тамъ дѣланности и мало хорошей музыки. Г. Жакобсъ имѣлъ большой успѣхъ и съ удовольствіемъ согласился сыграть нѣсколько номеровъ на бисъ.

Въ заключеніе публику хотѣли усыпить. Въ видѣ наркова ей преподнесли «Eien deutsches Requiem», который былъ порученъ г-ну Каваченко, хору, оркестру и солистамъ г-жѣ Гладкой и г. Шаронову. Реквиемъ этотъ убійственно скученъ. На сей разъ онъ былъ еще вдобавокъ плохо разученъ. Хоръ былъ далеко не твердъ въ своихъ партіяхъ и пѣлъ вяло и безвѣстно. Мистическія рѣчи неизвѣстнаго нѣмецкаго поэта переведены на русскій языкъ самымъ сквернымъ образомъ. Получился какой-то наборъ словъ и порой весьма неудачный наборъ. Укорять исполнителей за вялое исполненіе нельзя въ виду того, что программа этого концерта за болѣзнью г. Направника была составлена наскоро. А такое громоздкое произведеніе, какъ этотъ «Реквиемъ» требуетъ долгой репетиции, чтобы произвести хотя-бы небольшое впечатлѣніе. Хотя я сомнѣваюсь, чтобы онъ когда-либо понравился въ Россіи.

Б. М. Соловьевъ.

Рождественскій силуэтъ.

„Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойти“...

Ф. М. Достоевскій.

... Въ эту ночь, наканунѣ Великаго праздника на петербургскихъ улицахъ среди безпріютныхъ и угрюмыхъ, среди тѣхъ, которымъ „все-равно“ и кто вовсе не задумывается, ходить особенно много „растеряннаго“ народа. Это—странныя души, болѣзненные, рождающіяся повидимому только затѣмъ, чтобы умереть. Блѣдные, молчаливые, чуждые жизни они ходятъ среди людей никому особенно не нужные, невидные, не талантливые, не яркіе — больныя дѣти больной культуры — и потомъ тихо исчезаютъ. Словно потянуло свѣжей струей холоднаго вѣтра и дрогнули застывшія частицы воздуха, унеслась пыль и за-

кружились на солнцѣ мелкія песчинки... Жизнь идетъ мимо нихъ — здоровая, яркая, кипучая а они тщетно стараются попасть въ ея теченіе и съ жалкой улыбкой — улыбкой надъ самимъ собой — говорятъ о томъ, что для нихъ нѣтъ будущаго... Такъ вытолкнутый изъ рядовъ процессіи тщетно бьется и стремится стать со всѣми, быть „какъ всѣ“; онъ волнуется, блѣднѣетъ, судорожно хватается за платье проходящихъ, проситъ... Но процессія торжественно подвигается впередъ и мѣрный дружный топотъ тысячи ногъ заглушаетъ вздохи отставшаго.

Женщины!.. Женщинами особенно заполнены ряды отставшаго отъ жизни, растеряннаго народа...

И въ эту ночь, ночь общую для всѣхъ, — я уношусь мыслью къ блѣдной, отставшей жизненной фигурѣ.

Гдѣ вы съ ней познакомились — вы никакъ не можете сказать; смутно вспоминаете только, что гдѣ-то на улицѣ, или въ конкѣ, или въ концертѣ, или на лѣстницѣ большого люднаго дома. Однажды, встрѣтивъ ее на солнечной сторонѣ Невскаго, вы узнаете ее и кланяетесь. Такимъ образомъ вы знакомы. Блѣдная, худенькая, стройная, выше средняго роста, съ свѣтлыми рѣдкими волосами и хорошими добрыми глазами, она начинаетъ вамъ нравиться, особенной тихой „жалостью“.

Когда вы не безъ смущенія въ первый разъ подходите къ ней, она крѣпко жметъ вамъ руку и на секунду, на одно мгновеніе прищуриваетъ глаза. Никогда, послѣ она не повторяетъ этого, такъ, что, наконецъ, вамъ ясно начинаетъ казаться, что прищуриванія вовсе не было. Вы идете съ ней рядомъ, стараетесь заглянуть ей въ лицо, и говорите почему-то тише обыкновеннаго. Она слушаетъ удивительно молчаливо и бездарно, такъ что минутами вамъ кажется, что она глухая. Вы говорите о лжи, которая распространяется все болѣе и болѣе, объ искренности (непремѣнно объ искренности) о свободѣ совѣсти, о состраданіи къ слабымъ, пожалуй, даже о самоубійствѣ, о... Вдругъ она, мило картавя, прерываетъ рѣчь:

— Подождите меня здѣсь, я черезъ минуту — и исчезаетъ въ какомъ-то подлѣздѣ.

Черезъ минуты три она появляется, не глядя подходить и продолжаетъ такъ же бездарно слушать.

Вы опять говорите длинный монологъ о разныхъ душевныхъ вещахъ, смотрите на ея блѣдный красивый профиль, на грустные милые глаза ушедшіе краешкомъ зрачка на верхъ, на неплотно сжатые губы... И все болѣе и болѣе ощущаете безпрічинную жалость къ ней и то, что вы — славный малый — дѣлаете какое-то хорошее, душевное дѣло. Потомъ гдѣ-нибудь на Торговой или Кировой она опять говоритъ:

— Одну минуту, подождите — и исчезаетъ за гулко хлопнувшей дверью.

Бьетъ одиннадцатый часъ. Морозъ крѣпнетъ и поднимается вѣтеръ. Повсюду у воротъ, появляются укутанные въ шубы дворники, похожіе на медвѣдей. И когда она выходитъ, вы начинаете говорить еще тише... Вамъ нравятся ея тонкая изящная фигура съ бессильно свисающими длинными красивыми руками, бѣлокурые, рѣдкіе локоны, небрежно выбившіеся изъ-подъ шляпки, и то, что она странно и грустно смотритъ вверхъ на свои тонкія брови, и то, что у нея ручной мѣшочекъ — ридикюль изъ зеленого бархата, обшитый бѣлыми кружевами, и то, что она такъ ходитъ, съ едва-едва замѣтнымъ граціознымъ покачиваніемъ. И затѣмъ сдѣлавши съ ней верстъ десять и прощаясь у воротъ какого-то угрюмаго дома вы, крѣпко сжимая ея руку, стараетесь подсмотреть прищуренный взглядъ грустныхъ голубыхъ глазъ.

Черезъ нѣсколько дней, какъ условлено, вы встрѣчаете ее утромъ въ Эрмитажѣ.

Вы разсѣянно осматриваете рамы произведеній Мурильо и Рембрандта и вспоминаете зеленый мѣшочекъ въ блѣдной тонкой рукѣ. Она появляется опоздавъ на полчаса и, увидя васъ издали, слегка натягиваетъ блѣдную щеку молчаливымъ языкомъ и силится изподлѣбья осмотрѣть свои брови. Встрѣтились, улыбнулись—вы искренно и радостно, она грустно, съ безмолвнымъ укоромъ...

Мимо всѣхъ сокровищъ живописи, золоченыхъ рамокъ и восьми глянцевитыхъ, придурковатыхъ исполновъ, поддерживающихъ крышу подъѣзда, вы выходите на морозъ, на ясное зимнее утреннее солнце. И при свѣтѣ солнца начинаетъ казаться, что платье у нея поношенное, полинялое, походка не только граціозная, но даже какъ будто подрыгивающая, лицо не такое нечистое и правильное... Мѣшочекъ изъ зеленого бархата по-прежнему раскачивается у нея въ рукѣ, а краешки зрачковъ по-прежнему уходятъ за верхнія вѣки.

Далѣе оказывается, что у нея все на булавкахъ. Голубой кусокъ плюща, въ видѣ кораблика, или зажженной лампы прикрѣпленъ на груди булавками; воротникъ заколотъ тремя булавками; бѣлыя кружева на мѣшечкѣ держатся на булавкахъ, изъ которыхъ половина изогнута; пуговицы на жакетѣ нѣтъ ни одной, и застегивается она булавками. Какіе-то бантики на платьѣ тоже на булавкахъ.

У нея въ рукахъ книга, которую она не хочетъ показать вамъ. По аналогіи вы думаете, что на корешкѣ тоже блестятъ воткнутыя булавки, хотя это проволока переплета.

Но страницы книги, на самомъ интересномъ мѣстѣ, навѣрное заколоты булавками. „Булавки“, думаете вы, и уже менѣе пространно объясняете ей сущность человѣческихъ отношеній и необходимость искренности во чтобы то ни стало.

Ея мечта—это сцена. Она будетъ артисткой (вамъ слышится—ахтисткой). Съ ней занимается Модестъ Ивановичъ Писаревъ (Писахевъ), хохгошій, хохгошій человѣкъ и пхгекхгасный пхгеподаватель. Онъ въ ней нашелъ большія способности и говохгитъ, что...

Вы улыбаетесь и шутливо намекаете на ея картавость.

— О, это ничего: господишь Писахевъ говохгитъ, что это пхгойдетъ. Подождите меня минуту, я сейчасъ пхгиду.

Вы стоите у подъѣзда на Слоновой улицѣ, вспоминаете булавки, ушедшій вверхъ взглядъ голубыхъ глазъ и уже совсѣмъ перестаете говорить шопотомъ.

Это рѣшено. Послѣ завтра она придетъ къ вамъ, и вы проведете вмѣстѣ цѣлый вечеръ.

Она является. Три минуты уходитъ на то, чтобы уговорить ее снять шляпку, которая, разумѣется, приколотая булавками; двѣ минуты вы уговариваете снять кофточку, предварительно, разумѣется, вытащивъ булавки. Но уговорить ее отложить въ сторону зеленый мѣшечекъ съ кружевами на бу-

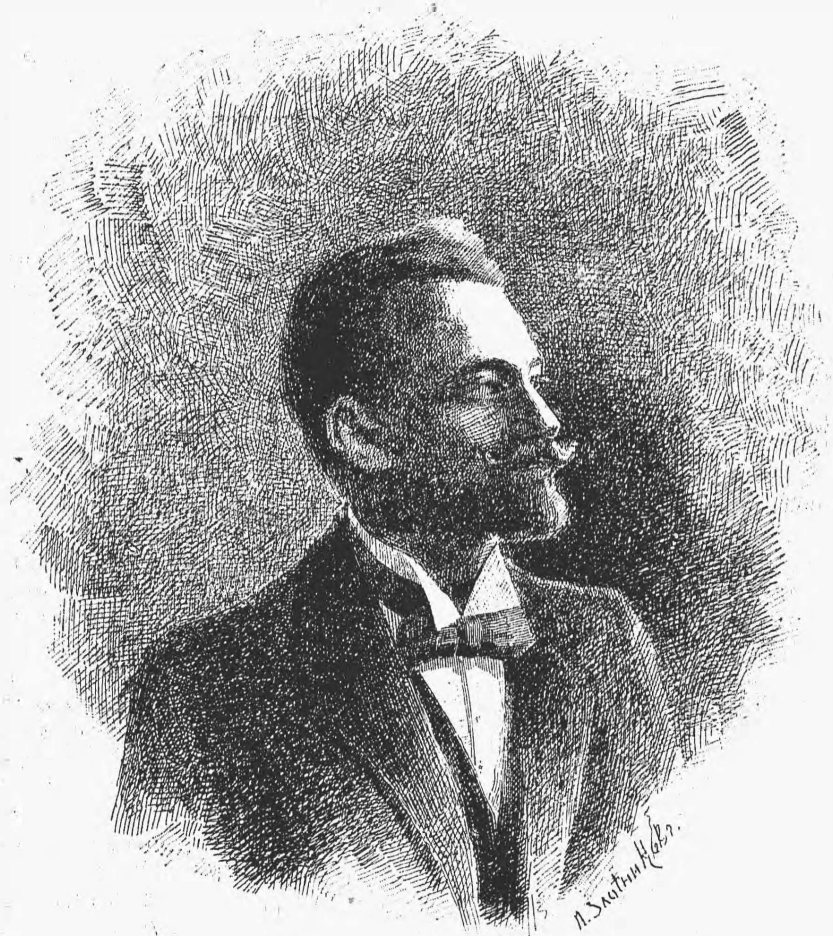
лавкахъ—такъ и не удается во весь вечеръ. Вести съ ней разговоръ удивительно трудно. Поминутно, она осматривая свои брови, напоминаетъ, что зашла на десять минутъ и сейчасъ должна уходить. Когда вы за истощеніемъ всѣхъ аргументовъ, кончаете свои уговариванія она роняетъ:

— Черезъ десять минутъ уйду.

И остается.

Мало-по-малу вами начинаетъ овладѣвать легкая раздражительность. Вы досадуете на то, что у нея все на булавкахъ, что она глядитъ вверхъ на свои локоны, что скрипитъ столъ.

ИТАЛІАНСКАЯ ОПЕРА.

Теноръ Лангобарди.

Рис. П. Злотникова.

Худенькая, стройная, нѣжная, сидитъ она неподвижно на стулѣ поближе къ этажеркѣ въ углу и не глядя, смотритъ впередъ.

И вдругъ, вамъ сразу становится ясно, рѣшительно все. Во-первыхъ, ей до васъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Это знакомство на булавкахъ. Во-вторыхъ, она живетъ на землѣ какъ въ гостяхъ; приколотая булавками къ жизни, и для нея не существуетъ ни настоящей радости, ни настоящей беззаботности смѣха.

— Я вѣдь на минуту пришла. Мнѣ пора.

За стѣной глухо бьетъ одиннадцать.

Но она сидитъ.

Въ третьемъ часу ночи, когда вы провожаете ее на извозчикѣ домой, вы хмуро молчите почти всю дорогу.

Съ этого вечера ученица Писарева замолкаетъ окончательно и безнадежно, произнося, въ общемъ, за весь вечеръ много-много словъ 30.

Кто она? Откуда? Объ этомъ имѣются у васъ, самыя скудныя свѣдѣнія. Есть у нея тети и братья, который играетъ въ клубѣ экономистовъ или въ желѣзнодорожномъ, есть и женихъ офицеръ (у всѣхъ ученицъ Писарева, есть женихи пѣхотные офицеры). Однажды она угорѣла до полусмерти, другой разъ ей дѣлали операцію уха или колѣна—вы не помните. Была она влюблена? Нѣтъ. Есть-ли знакомые студенты, вольноопредѣляющіеся? Нѣтъ. Бываетъ-ли на балахъ, концертахъ? Рѣдко. Какъ проводить день? Такъ, какъ всякій разъ. Ждетъ, смерти. Вотъ и все.

«МАРІЯ СТЮАРТЪ».

«Лордъ Берлей»—г. Бравичъ.
Рис. А. Любимова.

Приглашать ее къ себѣ вы уже давно перестали. Васъ раздражаетъ и изводитъ зеленый мѣшечекъ съ полинялыми кружевами на булавахъ, натягиваніе языкомъ щеки, завитые на свѣчкѣ локоны, грустный взглядъ голубыхъ глазъ и это долгое, упорное, томительное молчаніе...

Лампа горитъ тихимъ, располагающимъ къ покою свѣтомъ. Легкія тѣни рѣдѣютъ и ползутъ по угламъ. На потолокъ кружатся и въ испугѣ дрожатъ большое блѣдное пятно, и часы за стѣнной медленнo, медленнo, тянутся вечеръ. Она сидитъ въ углу окло этажерки молчаливая, чуждая, жалкая, съ блѣдной тонкой шеей, зеленымъ мѣшечкомъ въ изящной болѣзненной рукѣ и остановившимся взглядомъ.

Съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней вы теряете ее изъ виду и чувствуете, что такъ и должно быть. Эти блѣдныя, чахлыя растенія, безъ воли, безъ дарованій, безъ интересовъ—боятся солнца. Умерла

она? Уѣхала? Поступила на сцену или отравилась?

Странно, что это васъ мало интересуетъ. Умерла—что-жъ, значить булавки выскочили и она отстегнулась отъ жизни. Кончила курсы, и играетъ въ театрѣ—очень можетъ быть, но изъ этого ничего не выйдетъ, потому что роли у нея будутъ на булавахъ, и когда ихъ у нея отнимутъ, это будетъ очень просто: выдернуть маленькую булавку...

Я смотрю въ окно, вижу веселье, огни рождественскихъ елокъ и какъ будто слышу серебряный смѣхъ.

Тонкая, изящная женская фигура съ мѣшечкомъ изъ зеленого куска бархата идетъ торопливо по безпріютнымъ улицамъ и голубыми, падшими глазами, въ которыхъ чувствуется несознанный грѣхъ, всматривается въ даль.

И сойдя съ извозчика, торопливой походкой растеряннаго существа, идетъ она съ мѣшечкомъ, изъ кружевъ котораго выскочили двѣ булавки, съ Кирочной на Слоновую, и оттуда на Торговую, и обратно. Она заходить въ подъѣзды, о чемъ-то разспрашиваетъ и черезъ минуту появляется снова, жалкая, грѣшная, молчаливая.

Крѣпнетъ морозъ, и поднимается злой вѣтеръ... Кружится снѣгъ и булавками колетъ лицо.

Найдетъ-ли она, наконецъ, растерянная, что-нибудь, что будетъ уже безъ булавокъ?

Осипъ Дымовъ.

Мастеръ сухихъ дрожжей.

(Окончаніе *).

IV.

Ямпольскій скверно провелъ ночь. Онъ все думалъ о своемъ паспортѣ. Шатаясь по Россіи, онъ успѣлъ привыкнуть къ разнымъ передрыгамъ, но такого казуса ему не приходилось встрѣчать никогда. Ворочаясь на постели съ боку на бокъ, онъ старался найти причину чрезмѣрной подозрительности пристава. Неужели его принимаютъ за политическаго агитатора? Весьма возможно.

Ровно въ два часа дня блѣдный, невыспавшійся Ямпольскій вошелъ въ кабинетъ пристава. Письмоводитель отсутствовалъ. Рейнгольдъ только что вернулся отъ губернатора. Онъ не сидѣлъ за столомъ, а полулежалъ на диванѣ въ новомъ растегнутомъ сюртукѣ. Онъ пребывалъ въ хорошемъ настроеніи и въ моментъ появленія Ямпольскаго, приво-

*) См. № 51.

забрасывалъ ногу на ногу. Куплетистъ подошелъ къ нему близко, сухо поклонился и съ угрюмой безнадежностью смотрѣлъ въ лицо Рейнгольда.

— Ну-съ, что, батенька, вы мнѣ хорошенькаго скажете?

— Вы обѣщали возвратить мой паспортъ — твердо произнесъ Ямпольскій.

— Паспортъ? — Рейнгольдъ расправилъ бакены — паспортъ — видите-ли онъ теперь находится въ губернскомъ правленіи. Я туда отослалъ. Тамъ и получите. Я теперь не при чемъ, какъ есть не при чемъ.

— А относительно вечера? дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Ямпольскій.

— Относительно вечера? — Приставъ противно сви стнулъ — видали вы, какъ лягушки скачутъ!.. Его превосходительство категорически не разрѣшилъ, понимаете, ка-те-го-ри-чес-ки.

Тутъ Рейнгольдъ такъ широко размахнулся ногой, что узкій носокъ лакированной ботфорты чуть не коснулся жилета Ямпольскаго.

Куплетистъ отскочилъ, схватился обѣими руками за животъ и полунасмѣшливо, полугнѣвно сказалъ:

— Вы очень неосторожны, господинъ приставъ. Вы могли ударить, а у меня катарръ желудка...

Рейнгольдъ привскочилъ, схватившись за мягкость дивана.

— Какъ вы смѣете?

— Страдать катарромъ желудка? Это не моя вина, честное слово. Виноватъ петербургскій климатъ. Имѣю честь кланяться!

И Ямпольскій рѣзко ушелъ. Взбѣшенный Рейнгольдъ съ тупымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ ему вѣдѣть.

Рождественская фантазія.

V.

Отъ Рейнгольда Ямпольскій устремился въ губернское правленіе. Его заставили прождать добрый часъ, послѣ чего объявили, что паспортъ высланъ уже на родину Ямпольскаго въ уѣздный городъ Небыховъ.

Куплетистъ потерялъ голову. Безвыходность его положенія была очевидна. Благодаря какой-то нелѣпости, ему суждено промаяться въ Лопанонскѣ, пожалуй, все лѣто. Его водятъ за носъ и паспорта никуда не отсылали; это ясно, какъ Божій день. Но все же на другой день онъ поѣхалъ въ Небыховъ. Шестидесять верстъ, туда и назадъ, — сто двадцать по отвратительной первобытной дорогѣ были сдѣланы совершенно напрасно. Исправникъ сказалъ ему, что отослалъ паспортъ обратно въ губернское правленіе. Ямпольскій вернулся въ Лопанонскъ. Въ губернскомъ правленіи онъ узналъ, что паспортъ дѣйствительно былъ полученъ обратно, но понадобился зачѣмъ-то Небыховскому исправнику и вновь препровожденъ ему.

Рождественскій маскарадъ. «Сатиръ и Нимфа».

Мрачное, тупое отчаяніе охватило Ямпольскаго. Положеніе его было отвратительное. Праздник бездѣятельная жизнь въ чужомъ мѣстѣ угнетала его. Отложенные на дорогу двѣсти рублей быстро таяли, а впереди не предвидѣлось ничего. Онъ получилъ телеграмму отъ дирекціи одного петербургскаго сада съ приглашеніемъ на лѣтній сезонъ. Предлагали выгодныя условія. Конечно, пришлось отказаться. Смѣлъ-ли онъ явиться въ Петербургъ безъ паспорта, хотя бы даже „мастера сухихъ дрожжей“?

Какъ и всегда это бываетъ, ничѣмъ не занятый умъ Ямпольскаго упрямо сосредоточился на одной мысли, на постигшей его невзгодѣ и виновникѣ ея Рейнгольдѣ.

Нѣтъ, надо выдумать тонкую мучительную ненаказуемую месть!

И Ямпольскій выдумалъ...

VI.

Яркій майскій полдень. Солнце жгло съ безоблачной чистой лазури небесъ. Кусты цвѣтущаго жасмина у квартиры пристава, точно молокомъ облитые, сонно и слабо благоухали, сберегая любимому вечеру свой острый, пріятный аромат.

Къ крыльцу подскотили дрожки съ непремѣнной единственной приставкой. Бравой молодцеватой походкой, разглаживая бакены, вышелъ Рейнгольдъ и тяжело упалъ на пружинное сидѣніе, жалобно застонавшее подъ его грузнымъ хорошо откормленнымъ тѣломъ. Безпечно повелъ онъ вокругъ молочными глазами и... невольно вздрогнулъ. Живымъ укоромъ передъ нимъ стояла траурная, вся въ черномъ, фигура Ямпольскаго, блѣднаго, похудѣвшаго. Глаза на бритомъ лицѣ куплетиста лихорадочно горѣли и впивались въ Рейнгольда съ острой откровенной ненавистью. Ямпольскій приподнялъ цилиндръ и съ еще болѣе злымъ лицомъ сказалъ:

— Здравствуйте.

Приставъ небрежно коснулся пальцами козырька. Дрожки покатались. Дорогой Рейнгольдъ не улыбался болѣе ни себѣ самому, ни сверкающему весеннему дню. Неожиданная встрѣча слегка отравила его радужное самовлюбленное настроеніе.

Проѣзжая черезъ часа два, онъ вновь увидѣлъ Ямпольскаго. И опять куплетистъ, приподнявъ цилиндръ, сказалъ ему „здравствуйте“. Рейнгольдъ съ досадливымъ недоумѣніемъ передернулъ широкими плечами, но на поклонъ отвѣтилъ.

Ямпольскій остался доволенъ началомъ своей мести. Чѣмъ тоскливѣй становилось ему слоняться безъ дѣла по городу, чѣмъ сильнѣе надоѣдали стѣны неуютнаго номера, гдѣ быстро, въ бесплодномъ ожиданіи таяли его деньги, тѣмъ терпѣливѣй дежурилъ онъ каждое утро у крыльца пристава.

Выходилъ Рейнгольдъ и куплетистъ, приподнявъ шляпу, встрѣчалъ его словомъ — „здравствуйте“! Рейнгольда передергивало всего и, досадливо кивнувъ, онъ спѣшилъ ухажать. А Ямпольскій медленно шелъ къ губернаторскому дому и поджидалъ его. Онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность, въ службу, преслѣдовать систематически Рейнгольда. Сначала Рейнгольдъ вздрагивалъ при видѣ куплетиста, но потомъ Ямпольскому показалось, что онъ привыкъ къ его утреннимъ привѣтствіямъ. Тогда Ямпольскій

нѣсколько измѣнилъ образъ дѣйствій. Онъ не караулилъ у подъѣзда, а прятался за уголъ. Приставъ выходилъ и садился въ дрожки. Рейнгольдъ видѣлъ, что деликатный мучитель отсутствуетъ, и ликовалъ. Но не тутъ-то было. Рейнгольдъ самодовольно разглаживалъ бакены, кучеръ расправлялъ возжи, а изъ-за угла, словно мрачное привидѣніе, появился со злымъ лицомъ Ямпольскій и непремѣннымъ — „здравствуйте“. Рейнгольдъ отшатывался отъ него, какъ отъ нечистой силы, и яростно кричалъ кучеру — „пошелъ“. Онъ сталъ замѣтно худѣть и, чего только съ людьми не бываетъ, — даже нервничать. Ямпольскій видѣлъ это, чувствовалъ и наслаждался. Онъ изводилъ пристава съ холодной рассчитанной жестокостью, изводилъ своей чрезмѣрной неслыханной вѣжливостью.

Наступило лѣто. Мимо города шли на маневры войска. Одинъ драгунскій полкъ остановился на нѣсколько дней въ Лопатонскѣ. И скверъ, и улицы оживились. Мелькали бравыя фигуры солдатъ, гуляли, звеня шпорами, офицеры въ короткихъ кителяхъ и синихъ рейтузахъ. Нѣкоторые знали Ямпольскаго по Петербургу и Кіеву. Они любили куплетиста, радовались встрѣчѣ съ нимъ и Ямпольскій проводилъ вечера въ ихъ обществѣ. Чаще всего они шатались по скверу. Гулялъ тамъ со своей супругой и приставъ.

Ямпольскій посвящалъ офицеровъ въ приключившуюся съ нимъ исторію и, преслѣдуя Рейнгольда по пятамъ, почти поминутно обращался къ спутникамъ со слѣдующей фразой:

— Господа, вы знаете, кто это такой? Это здѣшній приставъ, господинъ Рейнгольдъ.

Приставъ трясъ плечами, дрожалъ отъ негодованія, оборачивался и уничтожалъ глазами своего преслѣдователя, однако, „рекламировать“ его у Ямпольскаго не пропадала охота.

Рейнгольдъ сталъ придерживаться самыхъ глухихъ дорожекъ, но и тамъ отыскивалъ и постигалъ его бритый мучитель въ цилиндрѣ. Рейнгольдъ похудѣлъ еще больше и прекратилъ посѣщать скверъ. Куплетистъ торжествовалъ.

Въ городѣ пріѣхала оперетка. Ямпольскій, какъ „свой братъ артистъ“, получилъ даровой билетъ перваго ряда на всѣ представленія. Труппа дебютировала „Прекрасной Еленой“.

Деревянный лѣтній театръ былъ полонъ. Затихъ третій звонокъ. Вотъ, вотъ шурша поднимется занавѣсъ...

По странному капризу судьбы мѣсто Ямпольскаго пришлось рядомъ съ кресломъ пристава, на которомъ, плавающимъ жестами разглаживая бакены, возсѣдалъ Рейнгольдъ. Разумѣется, куплетистъ сказалъ ему „здравствуйте“. Рейнгольдъ побагровѣлъ и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его.

Влѣво отъ Ямпольскаго сидѣли два кавалериста.

— Господа, — твердимъ, отчетливымъ полушепотомъ обратился къ нимъ Ямпольскій, указывая глазами на пристава, — вы знаете, кто это такой? Это здѣшній приставъ, господинъ Рейнгольдъ.

Рейнгольдъ не выдержалъ, гнѣвно зафыркалъ, вскопчилъ и со словами — „это чертъ знаетъ, что такое!“ ушелъ прочь изъ театра, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда поднялся занавѣсъ.

На другой день, раннимъ утромъ квартальный надзиратель разбудилъ Ямпольскаго и вручилъ ему паспортъ.

— Господинъ приставъ проситъ, чтобы вы скорѣе уѣзжали изъ города.

— Хорошо. Кланяйтесь и благодарите. Впрочемъ нѣтъ, я самъ поблагодарю господина Рейнгольда за его любезность, — отпѣчалъ куплетистъ, радостно по-

Е. В. Горская.

(Къ 25-ти лѣтнему юбилею).

тирал руки. „Лопатонское плѣненіе“ его кончилось! Онъ побѣдилъ. Но не дешево досталась эта побѣда. Большіе денежныя убытки, душевныя муки; а сколько разъ молилъ онъ подъ дождемъ, чтобы увидѣть Рейнгольда и сказать ему только одно слово — „здравствуйте“.

Ямпольскій наскоро одѣлся и черезъ нѣсколько минутъ звонилъ у квартиры Рейнгольда.

— Баринъ еще спитъ, — встрѣтила его прислуга.

— Разбудите, непременно разбудите; очень важное дѣло!

Заспанный, въ рейтузахъ и халатѣ, вышелъ Рейнгольдъ къ Ямпольскому.

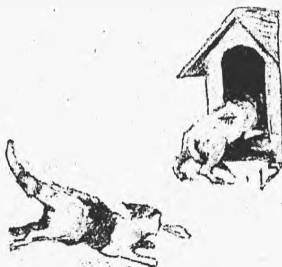
— Что вамъ нужно, чего вы отъ меня хотите?! — отчаянно, словно моля о пощаду, простоналъ Рейнгольдъ.

Съ наслажденіемъ вливаясь глазами въ его поблекшее, утратившее румянецъ лицо, кушлетистъ медленно отчеканилъ:

— Два мѣсяца я вамъ говорилъ только здравствуйте, а теперь приходится сказать:

— Прощайте.

Н. Брешко-Брешковскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Все по старому. Рецензенты находятъ «пріятный» талантъ у антрепренера г. Бѣляева, приглашаютъ публику пожаловать на бенефисъ оперныхъ любимцевъ, а публика устраиваетъ скандалы, созерцая «Пиковую даму», по болѣзни главнымъ силъ исполняемую весьма плохо.

Въ драмѣ царитъ полное благополучіе подъ мудрой сѣнью нахичеванской думы и театральнаго рецензента г. Фигаро, котораго многіе, по какому-то недоразумѣнію, смѣшиваютъ съ г. Чубаровымъ, горячимъ защитникомъ г. Бѣляева въ думѣ. Последняя, впрочемъ, обнаружила совершенно неожиданно строптивость и рѣшилась, наконецъ, пересмотрѣть репертуаръ. Съ 14 по 28 ноября были поставлены слѣдующія пьесы: «На порогѣ великихъ событій», «Продѣлки Скапена» и «Охъ, ужъ эти нервы», «Бой бабочекъ», «По гривеннику за рубль», «Пришла бѣда, растворь ворота» (последнія двѣ пьесы служатъ, какъ намъ кажется, предсказаніемъ недалекаго будущаго антрепризы), «Татьяна Рѣпина», «Двѣ сиротки», «Маленькій лордъ». 16-го антрепренеръ Бѣляевъ открылъ серію бенефисовъ своимъ собственнымъ. Актеръ Бѣляевъ имѣетъ много преимуществъ предъ антрепренеромъ Бѣляевымъ, а почему несудивительно, что бенефициантъ имѣетъ большой матеріальный и артистическій успѣхъ, 23 г-жи Горева-Трескина возобновила въ свой бенефисъ «Татьяну Рѣпину» и сыграла заглавную роль по хорошему шаблону. 21 шелъ «Маленькій лордъ», враніе анонсированный, какъ пьеса, посвященная г-жѣ Лидиной и имѣвшая успѣхъ въ Михайловскомъ театрѣ (!?). Пьеса оказалась дѣтской передѣлкой пѣской Всеволодской изъ повѣсти для дѣтей г-жи С. А. Сисоевой. Пьеса пришла въ вкусу нахичеванской публики.

30 ноября въ нахичеванскомъ театрѣ начались гастроли М. В. Дальскаго. Къ небольшой талантами нахичеванской труппѣ примкнула на время гастролей не блестящая группа гастролера. Обычная, устарѣлая и давняя печальная система окружать себя посредственностями — примѣнена и г. Дальскимъ. Съ участіемъ послѣдняго были даны: «Гамлетъ», «Рюи-Блазъ», «Молодость Іоанна Грознаго», «Горе отъ ума», «Коварство и любовь» и, наконецъ, 8 декабря въ бенефисъ гастролера — «Женитьба Бѣлугина». Я видѣлъ г. Дальскаго много разъ раньше и нахожу, что его талантъ идетъ къ ущербу. Въ голосѣ слышится хрипота, въ движеніяхъ замѣтна какая-то торопливость, прежняя простота исполненія смѣнилась академической манерностью; осталась только прежняя прекрасная дикція. Роль Гамлета была сыграна по шаблону, въ Рюи-Блазѣ было очень мало романтизма, Андрея Бѣлугина гастролеръ изобразилъ салоннымъ любовникомъ. Послѣ гастролей начался обычный «нахичеванскій» репертуаръ: «На маневрахъ» и давно обещанный «Буреломъ». Объ исполненіи послѣдняго приходится умолчать, такъ какъ въ труппѣ нѣтъ «премьера»: считать таковымъ г. Аркунина я, къ искреннему сожалѣнію, не могу.

Лавры Бѣляева не дали спать малорусскому антрепренеру г. Науменко, и онъ явился въ Ростовъ, враніе не записавшись театромъ. Пришлось играть въ лѣтнемъ театрѣ-циркѣ. Публика въ театрѣ ходитъ неохотно, такъ какъ послѣ малорусскихъ труппъ, которыя видѣлъ Ростовъ, жалкая труппа г. Науменко производитъ гнетущее впечатлѣніе. Жаль и мѣстное артистическое общество, среди правленія котораго замѣчается разладъ. Думали строить народный театръ, но, вѣроятно, за недостаткомъ средствъ придется вопросъ отложить ad calendas graecas. Мѣстное попечительство трезвости имѣетъ очень скромный бюджетъ и придти на помощь обществу не можетъ.

Въ оперѣ продолжаютъ безконечныя гастроли г. Виноградова. 23-го ноября состоялся бенефисъ г-жи М. А. Никитской («Севильскій цирюльникъ»). Г-жа Никитская имѣла крупный успѣхъ. Еще годъ-два работы — и молодая, начинающая актриса превратится въ крупную артистическую силу. 28-го — бенефисъ В. Н. Трубина («Русланъ и Людмила»). Бенефициантъ имѣлъ большой успѣхъ Г. Трубинъ — давнишній любимецъ ростовской публики. Въ этомъ бенефисномъ спектаклѣ выступилъ молодой пѣвецъ П. И. Буравцовъ въ партіи Баяна. Пока о немъ высказываться не будемъ.

Съ 29 ноября по 12 декабря репертуаръ слѣдующій: «Демонъ» (2 раза) «Галка», «Фаустъ», «Гугеноты» (2 раза), «Макавей», «Евгеній Онѣгинъ», «Пиковая дама», «Мазепа», «Жидовка», «Самсонъ и Далила», «Отелло». 29 начались гастроли баритона П. Д. Орлова («Демонъ», «Фаустъ», «Мазепа»). Я не знаю, чѣмъ, вообще, руководится антрепренеръ Асмоловскаго театра, проявляя особенную склонность къ баритонамъ. Послѣднихъ въ труппѣ — переизводство, за тотеноры хромаютъ. Былъ одинъ хорошій теноръ — г. Агулинъ, да и тотъ ушелъ, не поладивъ съ антрепренеромъ. Что касается новаго баритона гастролера, то онъ обладаетъ очень хорошимъ голосомъ по силѣ звука, но не по діапазону; въ сценическомъ отношеніи

г. Орловъ представляет собою среднюю величину; вѣроятно, чтобы доказать свое безпристрастіе г. Салтыковъ пригласилъ на гастроли М. Г. Медвѣдева. Для гастролера пока поставлены: «Шиковая дама», «Самсонъ и Далила», «Отелло». Отъ былого кумира осталась одна только слава, въ настоящемъ это хороший драматическій любовникъ, но и только. Теплота и вадушевность тона, изящество манеръ, вдумчивое исполненіе роли... и остатки голоса. 5 декабря состоялся бенефисъ баритона П. И. Полуянова. Бенефициантъ пѣлъ главную партію въ «Евгеніи Онѣгинѣ», которую онъ передалъ очень музыкально. Хорошей партнершей бенефицианту была г-жа Брунъ, пѣвшая Татьяну. За г. Полуяновымъ послѣдовалъ другой молодой артистъ Я. В. Булатовъ, поставившій для своего бенефиса (8 декабря) «Жидовку». Бенефициантъ выступилъ въ партіи Элизара. Если исполненіе имъ этой партіи въ вокальномъ отношеніи было безукоризненнымъ, за то въ сценическомъ молодой теноръ обнаружилъ, какъ и другой начинающій его товарищъ, г. Полуяновъ—неопытность. Тонко, задумчиво играла и прекрасно, со вкусомъ пѣла г-жа Брунъ.

С. Ч.

ХАРЬКОВЪ. Сезонъ нашего драматическаго театра довольно убыточенъ. Въ матеріальныхъ, такъ сказать, дефисахъ виновенъ прежде всего обыватель, который находитъ мало «жизни» въ ставящихся у насъ теперь пьесахъ Чехова, Ибсена, Гауптмана, а изображаемыхъ лицъ — вялыми и «странными»... Новинка еще и оперетка, въ которой артисты подъ конецъ, на прощанье съ «милой публикой», на локтяхъ ходили, а артистки въ болѣе чѣмъ откровенныхъ костюмахъ докладывали бѣднымъ жснамъ, что «всѣ мужчины исполняли ихъ капризы». Эти самыя, извините за выраженіе, мужчины, находили въ драмѣ мало жизни.

Сборы не то, что плохи, но не соответствуютъ успліямъ дирекціи и ансамблю. Къ сожалѣнію, многие выдающиеся артисты нашей труппы, кстати сказать, подписали уже контракты въ другіе города, и мѣсто ихъ, какъ показалъ уже намъ горькій опытъ, не легко будетъ замѣстить!

Пока идутъ бенефисы. «Герои» бенефисовъ послѣ спектакля, увозятъ съ собою на квартиру цвѣты, вѣнки, бумажки съ надписью «добро пожаловать» или «новый другъ лучше старыхъ двухъ» и т. д. Къ прискорбію, нѣкоторые бенефицианты выбираютъ для своего бенефиса пьесы, чуждыя ихъ амплуды и въ роляхъ, совершенно неподходящихъ подъ, такъ сказать, цвѣтъ ихъ дарованія, пробуютъ шутя свои силы. Такъ, г. Бѣжинъ рѣшился играть драматическую роль Викентія въ «Казни». Принимали же г. Бѣжинъ, какъ бенефицианта, прекрасно. Другіе исполнители г. Діевскій и г-жа Днѣпрова хорошо провели свои роли (Голда и Кэти). Хороши были въ «Казни» г. Долинъ (Николь), г-жа Чаруская (Душина) и г-жа Галицкая (Ина).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ постановка и исполненіе новой (передѣлки «Братья Карамазовы»). Живой сценическій образъ Федора Карамазова, стараго циника-сластолюбца и алкоголика, созданный г. Глюске-Добровольскимъ съ поразительнымъ талантомъ. Необузданную мятущуюся натуру Дмитрія Карамазова съ соответственнымъ подъемомъ и силой провелъ г. Лепковскій, «Грушенька» очень удалась г-жѣ Юрьевой, чего нельзя сказать о Верховцевой въ исполненіи г-жи Турчаниновой. Смердякова игралъ г. Петровскій; онъ же тонко игралъ Порфирія въ «Преступленіи и Наказаніи». Комическую сторону всѣхъ бенефисовъ составляють у насъ билетики съ «текстомъ». До того наши юноши-поэты перепутали чужіе съ собственными стихами, что угостили г. Петровскаго 12-ю стихами, взятыми «по разсѣянности» на прокатъ изъ прошлагоднихъ билетиковъ, которыми привѣтствовали другого артиста.

Среди новинокъ назову пьесу Нордау «Докторъ Конъ», находившуюся долго подъ запретомъ цензуры и разрѣшенную на-дняхъ подъ заглавіемъ «Два міра», въ новомъ «приспособленіи». Пьеса шла въ бенефисъ г. Добровольскаго. «Горячіе монологи г. Добровольскаго прерывались апплодисменгами даже среди акта». Такъ отзывался о пьесѣ театральнѣй рецензентъ мѣстной газеты.

Бенефисъ г. Глюске-Добровольскаго, несмотря на неудачный по моему мнѣнію, выборъ пьесъ («На рельсахъ» и «Жизнь на мгновенье»), прошелъ успѣшно, благодаря исключительно прочно установившейся репутациі талантливаго артиста. Въ отчетномъ спектаклѣ съ успѣхомъ играли г-жи Юрьева, Маршанова, гг. Лепковскій и Бѣжинъ.

Съ обычной торжественностью, при переполненномъ театрѣ и массѣ подарковъ прошелъ бенефисъ г-жи Днѣпровой.

На-дняхъ состоялась еще два бенефиса г. Діевскаго («Жизнь Илимова») и драм. этюдъ «Живое слово») и г-жи Свободиной-Барышевой.

Г-жа Свободина-Барышева поставила въ свой бенефисъ «Побѣжденный Римъ». Не въ обиду будь сказано участвовавшимъ въ этой пьесѣ артистамъ, стихи у нихъ превращались въ «отбивныя котлеты», а нѣкоторые исполнители, по своему гриму и манерамъ, напоминали морскихъ пиратовъ.

Съ чувствомъ обиды и досады приходится констатиро-

вать провалъ «Дяди Вани». На мѣстѣ былъ одинъ только артистъ г. Петровскій; всѣ остальные разыгрывали какого-то «Зайца» Мясническаго. Полное отсутствіе необходимыхъ художественныхъ паузъ, колорита, настроенія! Предъ нами глухая, гнетущая провинція, дѣйствующія лица изнемогли, опустили, стали вялыми, апатичными, и вдругъ... здоровые, сытые голоса, крахмальные сорочки, модные галстуки, лакированные ботинки... Богъ знаетъ что такое!

А. И. Буфова.

САРАТОВЪ. Съ 3 декабря начала дѣйствовать оперная труппа. Прошла только одна недѣля. Этого слишкомъ мало, чтобы высказать опредѣленное мнѣніе о составѣ труппы, даже о качествахъ отдѣльнаго пѣвца. По обстоятельствамъ, никому не интереснымъ, я не могъ быть на всѣхъ спектакляхъ и еще не слышалъ гг. Покасовской, Шау и Брайнина. Другіе артисты или старые знакомые, или уже произвели ясное впечатлѣніе. Въ «Жизни за Царя», которую началъ оперный сезонъ, выступилъ новый теноръ г. Арцимовичъ и новый басъ г. Парамоновъ. Оба представились съ весьма выгодной стороны. Г. Арцимовичъ обладатель несильнаго, но широкаго по діапазону тенора di grazia; владѣетъ своимъ даромъ довольно умѣло. Сабининъ, однако, ему не-совсѣмъ по средствамъ; гораздо лучше Ленскій, котораго онъ на другой день исполнилъ съ большимъ успѣхомъ. Карьера г. Парамонova еще впереди, но и теперь этотъ пѣвецъ, съ красивымъ голосомъ и съ хорошей школой, вправдѣ занимать по положенію, которое ему предназначено у насъ: перваго баса. Пока нельзя этого сказать о другомъ новомъ исполнителѣ басовыхъ партій—о г. Федоровѣ. Артистъ тоже молодой, но съ меньшими данными. Качество голоса не изъ высокихъ. Мефистофель, пожалуй, сгѣтъ не дурно и сыгранъ прилично. Но, помимо ученическаго грима—грубаго и густого, не понравилось мнѣ и пѣніе: мало чистоты звука, мало и выразительности. Очень хорошее впечатлѣніе далъ г. Южинъ въ Донъ-Хозе («Карменъ»). Артистъ законченный, хорошо фразирующий, опытный, съ огонькомъ въ передачѣ драматической стороны. Г-жа Писарова, Томская, Боброва, Конелькова, Брыкинъ, Петровъ и Акимовъ—намъ извѣстны. Первая артистка приглашена только на пять спектаклей; ее замѣнитъ тоже наша старая знакомая г-жа Полякова. Спектакли съ участіемъ г-жи Писаровой значительно повышаютъ сборъ; артистка по-прежнему имѣетъ большіе успѣхъ. Горючо встрѣчены публикой г-жи Томская, Боброва гг. Брыкинъ и Петровъ, при первомъ появленіи на сценѣ. Несомнѣнно, участіе этихъ артистовъ служить къ успѣху нашей оперы. Положимъ, г. Брыкинъ болѣе играетъ, чѣмъ поетъ; положимъ, г-жа Боброва немного не то, что прежде... Но все таки это силы болѣе, чѣмъ полезные. Пока шли: «Жизнь за Царя» (2 раза), «Карменъ», «Евгеній Онѣгинъ», «Демонъ», «Травиата», «Фаустъ», «Царская невеста». Репертуаръ старенькій, но оперное дѣло вообще малоподвижно. Впрочемъ, обещана новая вещь «Эдмундъ». Сборы прекрасные. Принимаютъ пѣльцовъ съ чисто саратовскимъ благодушіемъ. Намъ, хроникерамъ и своевременно констатировать факты.

Постолоний.

СЕРПУХОВЪ. Около, такъ назыв., Общественнаго городского сада, стоялъ пустой каменный сарай, принадлежавшій городу, въ которомъ, лѣтъ 40 тому назадъ, былъ складъ вина, такъ что до сихъ поръ, сарай этотъ сохранилъ названіе «вишнаго подвала». Въ прошломъ году, послѣ долгихъ усилій, прощній и заявленій, мнѣ удалось убѣдить нашу думу, сдать этотъ сарай мнѣ за 375 р. ежегодной платы, на шестилѣтній срокъ, для приспособленія въ немъ Общедоступнаго народнаго театра. Много потребовалось труда и до 6-ти тысячъ руб. расхода, для того, чтобы оборудовать этотъ сарай и превратить его въ театръ. Въ немъ имѣются ложи, партеръ, балконъ и галлерей, въ общемъ театръ вмѣщаетъ 900 чело. Цѣна мѣстамъ: галлерей отъ 10 до 22 к., балконъ отъ 35 до 80 к., партеръ отъ 1 до 2 р., ложи по 5 руб. 30-го іюля состоялся первый спектакль. Поставлена была пьеса любителями «Въ селѣ Знаменскомъ». Сбору было 385 р. Затѣмъ г. Крогомъ были поставлены: «Каширская старина», давшая 435 руб., «Ревизоръ» — 465 руб. Но послѣ этихъ пьесъ, поставленныхъ г. Крогомъ неряшливо и съ плохимъ составомъ любителей сборы пошли на убыль, доходя до 85 руб., отчего г. Крогъ бѣжалъ, не заплативши театру 70 руб. Въ октябрѣ мѣсяцѣ былъ поставленъ любительскій спектакль съ благосклоннымъ участіемъ Г. Н. Федотовой. Шла пьеса «Вторая молодость» и несмотря на невылазную грязь и то, что спектакль шелъ въ будний день, сборъ былъ около 500 руб. Послѣ этого удачнаго спектакля, начались спектакли съ участіемъ Н. Н. Борисовой, которая очень понравилась публикѣ, а также съ г. Черепановымъ, поставившимъ съ участіемъ г. Разсказова «Власть тьмы», имѣвшую огромный успѣхъ у нашей публики. Въ послѣднее время сборы опять пошли на убыль. Думается, что драму слѣдовало-бы смѣнить оперой или малороссами.

НИКОЛАЕВЪ. Въ виду послѣднихъ двухъ неудачныхъ сезоновъ, закончившихся съ дефиситами для антрепренеровъ драматическаго труппы, гг. Аярова и Иванова, владѣлецъ нашего единственнаго театра, г. Шефферъ, сдѣлъ на текущій

зимний сезонъ театрѣ С. Н. Новикову подл оперетку. Не прошло и мѣсяца, какъ новый антрепренеръ вошелъ въ соглашеніе съ гг. Ивановскимъ и Артемьевымъ, по которому съ новаго года театрѣ переходитъ въ руки перваго, а наша оперетка переѣдетъ въ Одессу, въ Русскій театрѣ. Г. Ивановскій хлопочетъ въ херсонской думѣ освободить его отъ договора 6 декабря, для переѣзда въ Николаевъ, но труппѣ Новикова, несмотря на слабый дѣла, некуда перекочевать раньше января.

Составъ опереточной труппы не великъ и сформированъ въ обрѣзъ. Въ женскій персоналъ входятъ: Е. Милотина (лир. партіи), В. Муратова (каск.), Н. Пронская (ком. стар.), Демаръ (2-я лир.). Мужской персоналъ: Н. Свѣтлановъ (теноръ), І. Рутковский (простака-баритонъ), М. Мерисонъ, Н. Богдановъ (комики), Гальбиновъ (простака). Режиссеръ Я. Градовъ. Балетъ московскихъ театровъ (6 балеринъ) г-жи Ландревичъ подл умузавленіемъ И. Чистякова. Оркестръ г. Зельцера подл дирижерствомъ г. Гильдебранда.

Начало сезона въ концѣ октября, нельзя назвать удачнымъ. Послѣ пожара въ Ялтѣ, г. Новикову пришлось первое время довольствоваться мѣстными декорациями и костюмами. Первую недѣлю отсутствовали — единственный теноръ и единственная лирическая сопрано. Театръ, естественно, пустовалъ — Постановкой «Рукокоповъ», «Цыганскаго барона», «Игрущекъ» и «Гейши» публика получила другое впечатлѣніе и сборы поднялись, но она посѣщаетъ только избранныя оперетки. Новинка «Игрущенка» прошла 4 раза, «Гейша» 3 раза. Исполненіе оперетокъ не всегда образцовое; сносныхъ вторыхъ силъ нѣтъ въ труппѣ, хоры жидковаты. Г-жа Муратова, старая знакомая николаевцевъ, завоевала прочныя симпатіи ио несмотря на пошатнувшіяся голосовыя средства и неизбежную усталость, выступая ежевечерно, своею живостью и веселою игрой всегда подкупаетъ зрителей. Для своего бенефиса, который привлекъ большую публику, она почему-то выбрала неудачную новинку «Заза», которая своимъ легкимъ драматизмомъ совсѣмъ не подходитъ подл каскадный характеръ. Г-жа Милотина, опытная пѣвица, поетъ музыкально, со вкусомъ, съ чувствительными заминками въ среднемъ регистрѣ, держится на сценѣ совсѣмъ по оперному, но иногда поражаетъ больше богатствомъ костюмовъ, чѣмъ игрой. Въ «Гейшѣ» почему-то выступаетъ «бѣлокудрой» японкой, что оригинально, но невѣрно. Пользуется успѣхомъ, какъ и партнеръ ея, г. Свѣтлановъ, симпатичный теноръ съ большимъ немного тусклымъ голосомъ, особенно въ серединѣ. Всѣ партіи проводятъ преувеличенной серьезностью.

Любимцами сезона стали — гг. Рутковский и Мерисонъ. Прекрасный простака, съ остатками крайне-симпатичныхъ вокальныхъ средствъ, г. Рутковский однимъ появленіемъ вызываетъ аплодисменты; комикъ Мерисонъ очень характеренъ, умѣетъ разнообразить шаблонный опереточный типъ «рыжого» и безконечно биссерируетъ куплеты на «злобу дня». Остальные исполнители дальше заурядности не идутъ; есть даже такіе, каковыя, напримѣръ, г-жа Демаръ, появленіе которыхъ на сценѣ прямо непонятно и непростительно опытному артисту-антрепренеру г. Новикову.

Савскій.

ПЕНЗА. Дѣла въ нашемъ зимнемъ театрѣ въ антрепризѣ г. Бориславскаго идутъ недурно. Спектакли ежедневные за исключеніемъ понедѣльника. Въ Пензѣ это впервые. Изъ новыхъ пьесъ прошли «Заза», «Идиотъ», «Новый Миръ», «Преступленіе и Наказаніе», «Дама отъ Максима», «Братья Карамазовы», «Закатъ», «Лорензачіо», «Когда воскреснемъ изъ мертвыхъ» и «Смерть Іоанна Грознаго». Изъ стараго репертуара были поставлены: «Въ старые годы», «Рѣпина», «Урліель Акоста», «Трильби», «Гамлетъ», «Кинъ», «Коварство и любовь», «Горе отъ ума», «Маскарадъ», «Цыганка Занда», «Разбойники», «Гроза», «Санъ-Женъ», «Велизарія», «Жизнь игрока», «Грѣшница», «Лѣсъ», «Ревизоръ». Преимущественный успѣхъ имѣютъ г-жа Анненская и г. Мавринъ. Въ бенефисъ свой г. Мавринъ ставилъ «Казнь», гдѣ исполнилъ роль Викентія.

Г-жа Анненская — артистка съ давно установившейся репутаціей и популярнымъ именемъ. Въ бенефисъ артистка ставила «Адриену Лекуверъ».

Г-жа Новикова-Иванова, артистка на роли *ingénue dramatique*, очень симпатична въ нѣкоторыхъ роляхъ, но ей вредитъ глухая читка и небольшой темпераментъ. Въ роли Раутенделейнъ («Потонувшій колоколь») была очень мила также и въ роли Сильветы («Романтики»). Г-жа Голодкова *ingénue* съ дарованіемъ и симпатичной внѣшностью, хорошо сыграла Соню Мармеладову. Г. Пузинскій — комическая старуха, нашъ старый знакомый и по-прежнему любимый публики. Г-жа Лаврова грандъ-дамъ, совсѣмъ не подходитъ для этого амплуа, ни голосомъ, ни манерой. Г. Лавровъ симпатичный артистъ, любимъ публикой, полезный актеръ, хотя и не блещетъ дарованіемъ. Не дуренъ былъ въ роли Рогожина, Нерона, Лефевра и Репетилова. Г. Орловъ имѣетъ успѣхъ въ фарсахъ и веселыхъ комедіяхъ.

И.

ПОЛТАВА. 27 ноября послѣдовало открытіе нашего новаго просвѣтительнаго зданія. Предполагавшійся спектакль «Ревизоръ» не состоялся по болѣзни одного изъ любителей и былъ замѣненъ въ этотъ вечеръ симфоническимъ концертомъ, мѣст-

наго музыкальнаго кружка. Въ 12 ч. д. городскимъ управленіемъ были приглашены въ зданіе всѣ болѣе или менѣе солидные граждане нашего города — на торжественное мѣстобіе, послѣ котораго всѣмъ гостямъ было предложено по бокалу шампанскаго, а оркестромъ въ это время была исполнена увертюра Чайковскаго «12-й годъ». Далѣе было назначено народное чтеніе съ туманными картинками, причѣмъ народъ въ антрактахъ угощали бесплатнымъ чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а вечеромъ, какъ я уже сказалъ, состоялся платный симфоническій концертъ. 28-го ноября опять былъ устроенъ мѣстными любителями вечеръ въ память Гоголя, состоявшій изъ отдѣльныхъ сценъ изъ «Мертвыхъ душъ», Гоголя, живыхъ картинъ и вокальнаго отдѣленія, и, наконецъ, 29-го ноября, была поставлена «Наталка-Полтавка». Этимъ и закончилось торжественное открытіе зданія. Всѣ эти дни залъ былъ переполненъ публикой.

Съ 30-го ноября открывается рядъ спектаклей (15) италянская оперная труппа г. Кастеллана. Составъ труппы громадный по количеству. Хоръ изъ 35 челов. и оркестръ изъ 30 челов. Для перваго спектакля назначенъ «Трубадуръ». Цѣны на мѣста для нашего города довольно высокія. *Nemo*.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЪ. Съ 1-го октября въ театрѣ приказничьяго клуба играетъ труппа драматическихъ артистовъ подл управленіемъ Л. В. Платонова. Спектакли даются 3 раза въ недѣлю. Были поставлены, между прочимъ, «Ложь», «Девятый валъ», «Гроза», «За монастырской стѣной», «Клеймо», «Забубенная головушка», «Чародѣйка», «Соколы и вороны», «Преступленіе и наказаніе» (2 раза), «Вторая молодость», «Ксенія и Лжедмитрій», «Клятвопреступникъ».

Составъ труппы: г-жи Лаврова (драмат. роли), Платонова (др. и ком. старуха), Муромцева (*ing. dramatique* и *comique*), Пальховская и Сарматова (2-я роли); гг. Листовъ (любовникъ), Платоновъ (характ. роли), Никольскій (др. резонеръ), Ивоинъ (простака), Лининъ (2-я роли). По причинамъ намъ неизвѣстнымъ выбыли изъ труппы г-жа Сарматова и г. Никольскій.

Изъ женскаго персонала отмѣтимъ г-жъ Лаврову и Платонову. Изъ мужскаго — гг. Листова, Платонова, Ивоинина. Успѣхомъ, безспорно, пользуется г. Листовъ; особенныя симпатіи публики артистъ завоевалъ исполненіемъ роли Раскольникова въ «Преступленіи и наказаніи». Сборы средніе.

П. А — iii.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ

съ 25-го декабря 1900 г. по 1-е января 1901 г.

Александринскій театрѣ. Во вторникъ, 26-го декабря, «Тенька», «Красный цвѣтокъ», 27-го утромъ: «Буреломъ». Вечеромъ: Бенефисъ Г. ВАРЛАМОВА (за 25-лѣтнюю службу). Въ 1-й разъ: «Снѣгурочка», весенняя сказка. 28-го утромъ: «Татьяна Рѣпина». Вечеромъ: «Коміи XVII столѣтія». 29-го утромъ: «Нишіе духомъ». Вечеромъ: «Снѣгурочка». 30-го утромъ: «Снѣгурочка». 31-го утромъ: «Коварство и любовь». Вечеромъ: «Волки и овцы».

Михайловскій театрѣ. 26-го «Le Misanthrope», «Les Ploideurs». 27-го «Вой бабочекъ». 28-го «La Misanthrope», «Les Plaideurs». 29-го «Девятый валъ». 30-го *Bénéfice de m r Roussele*. «Le Fils naturel». 31-го «Le Fils naturel».

Маринскій театрѣ. 26-го утромъ: «Щелкунчикъ», «Пробужденіе Флоры». Вечеромъ: «Валкирія». 27-го утромъ: «Эсмеральда». Вечеромъ: «Дубровскій». 28-го утромъ: «Конекъ Горбунокъ». Вечеромъ: «Лозягринъ». 29-го утромъ: «Спящая красавица». Вечеромъ: «Пиковая Дама». 30-го Спектакль въ пользу русскаго театральнаго общества. 1. «Москаль-чаривникъ», малор. оп. 2. 4-й актъ оп. «Гугеноты». 3. Прологъ изъ драмы «Псковитянка». 4. 2-е дѣйств. бал. «Фіаметта» 31-го утромъ: «Фаустъ». Вечеромъ: «Лебединое озеро».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

СТЕРЛИТАМАНЪ. В. Д. Волкову. Лучшее руководство къ гриму на рускомъ языкѣ Воскресенскаго. Можно выписать изъ любого столичнаго книжнаго магазина.

О В Ъ Я В Л Е Н И Я.

ГОЛЛЕНДЕРА

Миндальный кремъ (Grème d'amandes)

вмѣсто мыла для мытья лица и рукъ, замѣняющій мыла и миндальныя отруби, рекомендуется всѣмъ лицамъ, имѣющимъ нѣжную и раздражительную кожу не выносящую мыла.

Миндальный кремъ никогда не портится.

При употребленіи миндальнаго крема, лицо надолго сохраняетъ свою нѣжность и свѣжесть.

Банка въ 1 р., 60 к. и 30 к.

МЫЛО ИЗЪ МИНДАЛЬНОГО КРЕМА

Нѣжнѣйшее по составу, съ пріятнымъ ароматомъ. Кусокъ 50 коп.

Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи. Остерегаться поддѣлокъ и подражаній. Обратитъ вниманіе на фирму:

Торговый домъ, „Парфюмерная Лабораторія Г. ГОЛЛЕНДЕРА“.

С.-Петербургъ. Разъѣзная, № 13.

№ 3322. 30—5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.
на еженедѣльный журналъ

ЦИКЛИСТЪ

7-й годъ изданія.

Всѣ новости по велосипедному дѣлу и автомобильному, лыжному спорту и конькобѣжному, атлетикѣ, воздухоплаванию и пр. Собственные корреспонденты въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и во всѣхъ городахъ Россіи. Технические, художественныя и юмористическія иллюстраціи. Изданіе вполне изящное, по типу заграничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 р., на полгода—3 р. Адресъ редакціи: Москва, Кузнецкій мостъ, д. Купеч. Общ. Ред.-Изд. Д. П. Головинъ. Издат. И. И. Липскеронт.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ

Во Вторникъ, 2-го Января 1901 года, въ ДВА часа дня, въ пользу состоящей подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ ОБЩИНЫ СВ. ГЕОРГІЯ состоится

ПЕРВЫЙ БОЛЬШОЙ СИМФОНИЧЕСКІЙ

ЧЕШСКИЙ КОНЦЕРТЪ

(организованный М. И. Долгеной), въ которомъ примутъ участіе:

1) Оркестръ Императорской оперы подъ управленіемъ директора и дирижера пражскихъ филармоническихъ концертовъ

ОСКАРА НЕДБАЛА (изъ Праги).

2) Г-жа М. И. Долгеной; гг. артисты Пражской Королевской національной оперы (Narodni Divadlo: г-жа Ружена Матурова (драматич. сопрано). Первый теноръ Бобумилъ Штакъ, извѣстный чешскій пианистъ профессоръ Алонзъ Прачекъ и знаменитый Чешскій (Вогемскій) квартетъ, рояль Я. Беккера.

Роскошныя программы, исполненныя чешскими художниками, будутъ продаваться при входѣ въ залъ (не менѣе какъ по 15 к.). Программа концерта сегодня объявлена въ театральныхъ афишахъ.

Билеты первыхъ шести рядовъ, а также для лицъ, имѣющихъ право занимать мѣста около Царской ложи отъ 10 до 7 р. продаются (отъ 10—12 час. дня) у г-жи М. А. Сокольской (Гагаринская ул., д. 5). Остальные мѣста: отъ 5 р. до 75 коп. съ 19-го декабря въ муз. магазинахъ: Югансона (Невскій, 50), Юргенсона (Большая Морская, 9), „Новое Время“ (Невскій, 40) и у В. В. Комарова (Невскій, 136). 31 Декабря, 1 и 2 Января билеты будутъ продаваться въ Дворянскомъ собраніи.

3336. 1—1

„КАНДАЛЫ“. К. въ 3 д. П. Эрвье. Ц. 50 к.

„ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ“. Ц. 1 р.

Обращаться въ книжный магазинъ „Новаго Времени“, Москва, Неглинный провъадъ. Изд. Е. И. Аркадьева.

№ 3332 4—2.

1-я награда. Ревель 1900 г.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за превосходно сдѣланные и недорого стоящіе парики и бороды для театровъ.

ПАТЕНТЪ ЗАЯВЛЕНЪ за № 11806.

РЕКОМЕНДУЮ:

Парики изъ ангорской шерсти отъ . . . 1 р. — к. за шт.

изъ волосъ . . . 2 „ — „ „

Бороды изъ ангорской шерсти отъ . . . 40 „ „

изъ волосъ отъ 1 „ 25 „ „

Тюль для театраль- ныхъ париковъ собственнаго изобрѣ- тенія отъ . . . 1 „ — „ „

Шерсть для бородъ всѣхъ цвѣ- товъ отъ . . . 4 „ — „ „

Англійскій шерстяной креплъ отъ 6 „ — „ „

Ө. КРЕНТЦИНЪ.

Рига, Каменная улица, № 13.

Иллюстрированные прейсъ-курранты вы- сылаются безплатно.

№ 3327. 3—2.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Желающіе выписать наши изда- нія, благоволятъ обращаться непо- средственно въ контору, во избѣжа- ніе задержки въ доставкѣ.

Отдѣльные оттиски пьесы

„ПОТЕМКИ ДУШИ“.

(Болѣзнъ Пытцова), которая будетъ при- ложена къ журналу въ 1901 г. высылаются по требованію теперь. Ц. 2 р. (Пьеса удо- стоена преміи Литературно-Художествен- наго Общества).

„РАБЫНИ ВЕСЕЛЬЯ“.

В. Протопопова, ц. 2 р. Цена. экз. 5 руб.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“

изв. др. В. САРДУ.

Репертуаръ Сары Вернарь.

Переводъ Ө. Н. Латернера, Литографи- рованное изданіе журнала „Театръ и Искусство“ Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ (по роману Ө. М. До- стоевскаго)

К. ДМИТРИЕВА.

Цѣна 2 руб.

Изданіе редакціи журнала „Театръ и Искусство“.

3 выпуска словаря Сценическихъ дѣятелей (А. В. В.) 1 р. 50 коп. Высылаются наложеннымъ платежомъ

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1901 г.:

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ), въ которыхъ, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанныя посмертныя произведенія

Д. В. ГРИГОРОВИЧА: „Очерки Венеціи“ и „Изъ записной книжки“ (характеристики выдающихся современн. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и проч. подъ заглавіемъ: „ХІХ ВѢКЪ“. Статьи эти дадутъ читателю полную картину жизни истекшаго столѣтія и составятъ роскошный томъ.

24 тома „Сборника Нивы“, содержащаго ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО („Черный годъ“, „Сожженная Москва“, „Княжна Тарананова“, „Мировичъ“, „Бѣглые въ Новороссіи“, „Воля“, „Новыя мѣста“, „Девятый валъ“ и всѣ друг. многочисленныя его произведенія), которое будетъ приложено въ теченіе ОДНОГО 1901 ГОДА, — такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 г., по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборники“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 22.

дасть въ теченіе
одного 1901 года

своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

(стоящее въ отдѣл.
продажн. 15 руб.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. 5р. 50к.

Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печниковской—6 р. 25 к. 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—6 р. 50 к.

Съ доставкой въ СПБ. 6р. 50к.

Съ перес.

во всѣхъ горо-

да и мѣстн.

Россіи.

За границу—10р.

Разсрочка плате-

жа въ 2 и 3 срока.

полное собраніе сочиненій

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И БЮГРАФИЧ. ОЧЕРКОМЪ.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи, очерки и пр. современныхъ автор.).

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунковъ и чертежей).

СТЫШОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1901 г. печат. красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

3329. 3—3.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Б., Морская, № 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Скрипки Смычки

Для учениковъ въ 6, 8, 10, 12, 15 и 20 р.

Для артистовъ въ 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 и до 1,000 р.

Народныя въ 2 и 4 р.

Для учениковъ 1, 1½ и 2 р. Для артистовъ 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.

Народныя въ 50 к.

Старыя скрипки въ большомъ выборѣ, альты, виолончели, контрабасы.

Свѣжія струны и другія принадлежности школы и ноты въ громадномъ выборѣ.

Художественное исполненіе починокъ

2311 52—17.

2315 7—3.

НУЖЕНЪ ХОРОШИ

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ЛЮБОВНИКЪ

играющій Царя Θεодора.

Обращаться: Воронежъ, театръ Липтвареву.

№ 3334. 2—2.

2315. 6—4.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

САРАТОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА

вызываетъ товарищество артистовъ или антрепренеровъ, желающихъ снять Саратовскій городской театръ для драматическихъ и оперныхъ представлений съ условіемъ, чтобы опера и драма давались въ теченіи года пополугодно, причѣмъ допускается обмѣнъ труппъ съ какимъ-либо другимъ городомъ. О желаніи и условіяхъ просить немедленно заявить Городской Управѣ.

3335

1-1

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Немецки, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 26-го Декабря по 8-е Января 1901 г.

Вторникъ, 26-го Декабря, утромъ: „Дѣѣ сиротини“, драма въ 5 дѣйств. и 8 карт., соч. А. Деннери, вечеромъ: „Вій“, драм. сказка въ 6 карт. по Гоголю. Е. А. Шабельской. Среда, 27-го Декабря утромъ: „Вій“, драм. сказка въ 6 карт., по Гоголю. Е. А. Шабельской, вечеромъ бенефисъ Е. Л. ЛЕГАТЪ, въ 1-й разъ большая историческая пьеса „Крещеніе Литвы“, драма въ 5 дѣйств. и 6 карт. А. А. Навроцкаго. Четвергъ, 28-го Декабря, утромъ: „Свадьба Фигаро“, ком. въ 5 дѣйств., соч. Бомарше, вечеромъ: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств., соч. В. Протопопова. Пятница, 29-го Декабря: „Крещеніе Литвы“, историческая драма въ 5 дѣйств. и 6 карт., соч. А. А. Навроцкаго. Суббота, 30-го Декабря: „Свадьба Фигаро“, ком. въ 5 дѣйств., соч. Бомарше. Воскресенье, 31-го Декабря: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств., соч. В. Протопопова. Понедѣльникъ, 1-го Января: „Крещеніе Литвы“, историч. драма въ 5 дѣйств. и 6 карт., соч. А. А. Навроцкаго. Вторникъ, 2-го Января: бенефисъ В. М. ЯНОВА, „Любви граница“, драма въ 5 дѣйств., соч. Гальма. Четвергъ, 4-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. В. Протопопова. Суббота, 6-го Января: „Любви граница“, др. въ 5 дѣйств. соч. Гальма. Воскресенье, 7-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. В. Протопопова. Касса открыта до воскресенья, 24-го Декабря, съ 11 час. утра, до 8 ч. вечера, въ воскресенье 24-го съ 11 час. утра до 4 час. вечера, въ понедѣльникъ 25-го съ 12 час. утра до 6 час. вечера.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

Съ 26-го Декабря по 8-е Января 1901 г.

Во Вторникъ, 26-го Декабря: 1) Веселый уголокъ Петербурга; 2) Господинъ отъ Максима. Въ Среда, 27-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Школьная пара. Въ Четвергъ, 28-го: 1) Изумительныя превращенія; 2) М-ме Корали и К°. Въ пятницу, 29-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Между двухъ мужей. Въ Субботу, 30-го: 1) Веселый уголокъ Петербурга; 2) 1-й разъ Ночь серебряной свадьбы. Въ Воскресенье, 31-го: Новое обозрѣніе Петербурга. Въ Понедѣльникъ, 1-го Января 1901 г.: 1) Армія опасенія; 2) Ночь г-жи Монтеосонъ. Во Вторникъ, 2-го: Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Школьная пара. Въ Среда, 3-го: 1) Изумительныя превращенія; 2) Ночь серебряной свадьбы. Въ Четвергъ, 4-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Между двухъ мужей. Въ Субботу, 6-го: 1) Господинъ отъ Максима; 2) М-ме Корали и К°. Въ Воскресенье, 7-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Деньщикъ

ТЕАТРЪ бывшій КОНОНОВА

Французская оперетта.

Дирекція В. А. Немецки. Мойка, 61. Ежедневныя представленія.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Въ 1-й разъ въ С.-Петербургъ на гастроли приглашены: примдонны-этуали: Г-жи: ТАРИОЛЬ БОЖЕ, ЖАНЕТТА ПЕТИ, В. КОССИТЪ. Премьеры: Гг. РЕНЬЯРЪ, ДЕНКАНЪ, СЭМПРЕЙ. Артисты труппы: г-жи Огюста Пуже, Е. Стемми, К. Флери-Пилляръ, Вертей, Астрикъ, Лиля Пенсонъ, Жанна Ламбергъ, Модъ Дюрфе, Десмей, Лицци, Люсиенна Оттъ-Жеанинъ, Сюанна Несль и др. Гг. Пудрие, Монклеръ, Лари, Паканъ, Фоль, Резенъ, Вланъ, Пратъ, Куртуа, Войеръ, Дювалъ, Фонтенъ и др.

Вторникъ, 26-го: „ПЕРИКОЛЛА“.

Среда, 27-го: „МАРКОТТА“.

Ежедневныя представленія.

Гл. режиссеръ Г. Монилеръ.

Гл. Капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

2000

названій съ обозначеніемъ цѣнъ. Каталогъ Театральныхъ пьесъ книжной торговли Цетинкина.

Вознесенскій, 45.

Высылается за семикопѣечн. марку.

№ 3327, 1-1

3333. 2 2

Приложеніе къ журналу „Театръ и Искусство“, 1900 г. № 52.

Романсъ.

М. Мошковскаго.

Romance.

Maurice Moszkowski,
Oeuvre 42 N° 1.

Allegretto.

Pianoforte.

cantabile

The musical score is written for piano and consists of four systems. The first system is marked 'Allegretto.' and 'cantabile'. The second system continues the melody. The third and fourth systems are marked 'più f' and 'p' respectively, indicating a change in dynamics. The score features various musical notations including notes, rests, and fingerings.

dolce

dimin.

dimin.

Ped.

soavemente

Ped.

ritard.

pp